

4
H. G. hum.

42

i

26637.2

Дубли
Гос. Публ. б-н
Обмен

Kostomarov

4. 8. 9. 10. 11.
42 i

cont. D. L.

1 2 3

CONTENTS

1-320

A Sep 10th

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MÜNCHEN

СЛАВЯНСКАЯ НИКОЛОГІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Костомарова.

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
С. П. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

(Извлечение изъ лекцій, читанныхъ въ Университетѣ
Св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года).

С. П. Дух. Акад.
КІЕВЪ.

Въ Типографіи І. Бальнера.

1847.

Г. п. 5176

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

1-320

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
зурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ,
1846 года, Ноября 15-го дня.

Цензоръ А. Федотовъ-Чеховскій.

СМЫСЛ МИФОЛОГИИ СЛАВЯНЪ.

Славяне, не смотря на видимое многобожіе, признавали одного Бога, отца природы, и это существо они понимали сознательно, чѣмъ таинственную Свѣдь Греки, а Скандинавы Альфатера, который не счастливъ въ дѣлахъ человеческихъ. Единобожіе Славянъ неоспоримо. Прокопій Кесарійскій говоритъ, что Славяне признавали въ его время единого Бога, творца грома и молніи, и кромѣ того почитали дѣховъ, которыми, по своему понятію, населяли природу¹⁾. Тоже говоритъ Гельмольдъ относительно Славянъ прибалтійскихъ: не смотря на то, что Славяне признаютъ много божествъ, они имѣютъ сознаніе о верховномъ существѣ и отличаютъ отъ своихъ боговъ Бога небеснаго, всемогущаго, пекущагося о нектѣ и землѣ²⁾. У жизнеописателя Оттонока Славяне говорятъ сами, что они признаютъ великаго Бога, обладающаго всѣми богатствами³⁾.

1) De bello Goth. — 2) Chron. Slavor. C. 83. P. 183. — Ebb. vit. S. Ott. Act. Sanct. Jul. 433.

Изъ лѣтописи нашего Нестора видно, что Славяне Русскіе имѣли понятіе о единомъ верховномъ существѣ, котораго по примѣщенію называли Богомъ и отличали отъ Первѣна, главнаго изъ второстепенныхъ божествъ⁴⁾. Другія божества были существа, происходившія или вытекавшія отъ верховнаго. Такъ Гельмольдъ намъ помянетъ етотъ основной догматъ славянской языческой космогоніи: — прочія божества, — говоритъ онъ, — истекаютъ постепенно отъ высочайшаго Бога и какъ бы рождаются изъ крови Его; и отъ того изъ нихъ тогъ выше и совершеннѣе, кто болѣе приближается къ Богу-боговъ⁵⁾. Слѣдовательно, основной принципъ славянской религіи — эманация; по славянскомъ понятію, и нравственная и физическая природа представляется живущею, заключающею въ каждомъ явленіи своемъ жизненный духъ, исходящій отъ зиждителя. Такой принципъ эманации подалъ Колларъ и Гандшъ⁶⁾. поводъ думать въ славянской религіи единство съ индійскою.

Однако, Славянское понятіе о божествѣ совсемъ не пантеизмъ. Бога, или Пракога, какъ называетъ его Колларъ, не сама образовалъ міръ, не разсѣлся въ своемъ твореніи, а только испустилъ изъ себя духовъ, которые населяютъ матерію и служатъ какъ бы посредниками между мертвою массою и всеоживля.

4) Др. Текс. лѣт. Нест. 20. — 5) Chron. Slav. ibid. — 6) Nar. spiew. Die Wissensch. der Myth.

иринахъ началомъ, но сами сѣществуютъ отъ Бога от-
лично. Славянское вѣрованіе скорѣе имѣетъ раз-
ительное сходство съ ученіемъ Зенд-Авесты объ Фер-
дахъ и изедахъ ⁷⁾.

Ближайшее къ Богу истеченіе есть свѣтъ, и по-
томъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, мы найдемъ,
что сѣществѣннѣйшая часть язычества славянскаго
относится къ свѣтопоклоненію. Оу Славянъ было
вѣрованіе, что сѣщество свѣта являлось на землѣ
и воплощалось въ человѣческомъ родѣ. Это ясно изъ
одного мѣста ипатіевской лѣтописи. Нѣкогда цар-
ствовалъ на Землѣ Сварогъ (высоч. сѣщество, отецъ
свѣта), наставляя человѣка нехѣтвѣ ковать и брач-
нымъ связямъ; потомъ царствовалъ сынъ его Даждь-
Богъ, еже нарицается солнцемъ ⁸⁾. Изъ словъ Сва-
рога можно оугадать санскритское слово сваръ, свѣтъ,
небо, отъ сего быть можетъ и наше слово каръ. Рѣ-
ководствуясь этими важными мѣстами, мы поста-
раемся отыскать во многихъ идолахъ славянскихъ,
почитаемыхъ за осконныя сѣщества, тоже поклоне-
ніе свѣту физическомъ и дѣховномъ. Дитмарсъ
Мерзебургскій говоритъ, что въ городѣ Редегартѣ
(Ретрѣ), оу Полабскихъ Славянъ была храмъ съ дере-
вянными изображеніями божествъ, изъ которыхъ
вышій всѣхъ былъ Сварожичъ ⁹⁾. Зналъ, что Сварогъ

7) Zend-Avest. I. B. I. Th. 233. Kleuk. 18-21. — 8) Пн. лѣт. 5. —

9) Chron. I. VI. 135. см. Shaff. cas. czesk. mus. 1844. Sv. IV.

есть свѣтъ и отецъ Дажь-Богъ, также свѣта, солнца, нетрудно, кажется, увидѣть, что Дажь-Богъ и Скаротичъ лицо одно и то же. Храмъ его, гово-
ритъ Дитмаръ, построенный изъ дерева, поддержи-
вался въ основаніи рогами животныхъ, стѣны испи-
саны были разными изображеніями боговъ и богинь;
въ храмѣ стояли боги, исчерченные танкетвенными
письменами, страшно страшные въ шипаки со щита-
ми; посреди всѣхъ стоялъ Скаротичъ, почитаемый
больше всѣхъ боговъ язычниками, которые носили
въ храмъ свои знамена, когда онѣ не нужны были
на войнѣ. Хранить храмъ опредѣлены выбранные жите-
лями лица; когда приносили жертвы или оумоляли
кожество оутѣшить гнѣвъ, они сидѣли, въ то время
когда всѣ стояли, и, шепча, поочередно оударяли
въ землю: такимъ образомъ, они разрѣшали по бро-
шеннымъ жребіямъ сомнѣнія; послѣ этого, оукрашивъ
зелеными вѣтвями коня, почитаемаго смиреннымъ,
проходили его чрезъ копыа, воткнутыя въ землю,
накрестъ одно къ другому. Когда въ окѣихъ гла-
днѣхъ замѣчали благопріятное предзнаменованіе,
то приступали къ замышляемому дѣлу, ежели же
нѣтъ, то покидали намѣреніе¹⁰⁾. Городъ, гдѣ сто-
ялъ идолъ въ храмѣ, помѣщается оу Дитмара въ
деревнѣ Редерардмѣ; онъ съ тремя коротами, и окрѣ-
женъ смиренною роцію.

10) Chron. L. VI. 136.

Адамъ Бременскій въ своей церковной исторіи описываетъ въ городѣ Ретрѣ храмъ идола, называемаго Радегаста. Градъ, гдѣ былъ храмъ, имѣлъ декать воротъ и окрѣженъ былъ озеромъ, черезъ которое проходили по мосту тѣ, кому надлежало тѣмъ идти для жертвоприношеній и гаданій ¹¹⁾. Тоже говоритъ Гельмольдъ ¹²⁾, прибавляя, что Радегастъ былъ верховное божество и богослуженіе емъ отправлялось очень разнообразно. Въ храмъ стекались для жертвоприношеній и гаданій: ети обряды оба отправлялись вмѣстѣ. Предъ начатіемъ богослуженія, жрецы гадали, и по жребіямъ, давали прореченія: оугодна или негодна будетъ жертва въ настоящее время; и если оугодна — то заколали быковъ и овецъ, жрецъ возливалъ на идола кровь жертвы, чтобъ содѣлать его благосклоннѣе; потомъ возвѣщаемы были совѣты и прореченія. Во время борьбы съ Христіанствомъ приносимы были въ жертву и поклонники Іисуса. О нарѣжномъ видѣ Радегаста Адамъ Бременскій говоритъ, что идолъ былъ золотой ¹³⁾, а ложе оу него пурпурное. Конечно, это предвѣщеніе: вѣроятно идолъ былъ позолоченный. Подробное описаніе Радегаста оставила намъ хроника саксонская ¹⁴⁾. На головѣ оу него сидѣлъ орелъ съ распростертыми крыльями, а на груди была черная кичачья голова, изображенная

11) Script. rer. Germ. Hist. eccles. L. 11. C. 2. — 12) Chr. Slav. 123.

13) Hist. eccles. ibid. — 14) Chron. Sax. in Chr. Slav. Helm. et Arn. C. 53. N. p. 126.

на щитѣ: етотъ щитъ ндолъ держалъ пракою рѣкою, а
въ лѣвой онъ имѣлъ сѣкиръ съ двѣма остремми.

Радегастъ и Сварожичъ было одно и тоже бо-
жество. Доказательства слѣдующія 1. Дитмаръ, го-
воря о Сварожичѣ, называетъ городъ, гдѣ онъ на-
ходился, городомъ Радегаста, а изъ хроники саксон-
ской и любельской мы узнаемъ, что поклоненіе Ра-
дегастѣ было въ разныхъ мѣстахъ Славянины, и тѣ
города, гдѣ находились капища етого божества,
назывались его именемъ. Дитмаръ могъ описать
однѣ изъ многочисленныхъ храмовъ, подобныхъ
тому, какой описанъ въ Ретрѣ Ядамомъ Бременскимъ
и Гельмольдомъ. 2. Какъ къ Сварожичѣ, такъ и къ
Радегастѣ приходятъ для жертвоприношеній и оракула.
3. Какъ тотъ, такъ и другой называется верховнымъ
божествомъ. Бжеанжъ Радегастъ однозначителенъ съ
Сварожичемъ, то онъ одно лицо и съ Даждь-Богомъ,
и означаетъ воплощеніе свѣта физическаго и нрав-
ственнаго. Преданіе о царствѣ солнца видно и въ
повѣрхяхъ о Радегастѣ; ибо Славяне вѣрили, что Ра-
дегастъ былъ герой, некогда царствовавшій со славою,
потомъ палъ въ бою и сдѣлался божествомъ ¹⁵⁾,
т. е. съ нимъ соединили священную исторію о вопло-
щеніи свѣтоноснаго начала, короваго съ против-
ными злымъ существомъ, какъ мы уже увидимъ да-

15) Chron. Slav. 126.

лѣе. Но оуже довольно ясно, что Радегастъ или Сварожичъ былъ посредникъ между небомъ и землею, вышша мѣдрость; вмѣстѣ съ тѣмъ Вацерадъ гороритъ, что Радигостъ кнѣзь Киртовъ (коръ — солнце) былъ покровитель гостепрѣимства и промышленности, ибо гость означалъ и кѣпца ¹⁶⁾. При этомъ, онъ былъ кожество войны, что показываетъ оружіе въ рѣкахъ, и кровавыя жертвы; и потомъ то его называютъ марсомъ славянскимъ: мы оуже знаемъ, что по славянскомъ вѣрованію владѣть оружіемъ людей надъчало кожество вмѣстѣ съ земледѣліемъ, какъ и оу Зендовъ ¹⁷⁾. Вспомнимъ, что и Аполлонъ представлялся коюириемъ, стрѣлкою изъ лука; и оу всѣхъ свѣтопоклонниковъ свѣтоносное начало изображалось коннеченнымъ, въ смыслѣ борьбы его съ мракомъ и зломъ. — Тоже значеніе, какое имѣли Сварожичъ и Радегастъ, имѣла и Скандинавія, которымъ перекосащенническое богослуженіе отправлялось на островѣ Рюгенѣ и описано Саксономъ Грамматикомъ. На меловомъ оутесѣ сѣверовосточнаго рюгенскаго мыса, стояла оукрѣпленный, но незначительный по пространствѣ градъ или замокъ, Аркона, служившій для отправленія богослуженія и для оукрытія жителей во время непріятельскихъ налетѣговъ. Посреди града была площадь; на ней стояло деревянное, измѣрно обдѣланное, зданіе, въ которомъ находилась идолъ

16) Mat. verb. 14. — 17) Плат. гл. 5. Zend-Avesta Vend. targ. 11. 307.

Скантовита. Внѣшній входъ въ это зданіе былъ аркообразный и карнизы оукрашены рисѣнками грѣбой работы. Храмъ раздѣлялся на двѣ части; посреди зданія находилось отдѣленіе на четырехъ колоннахъ: вмѣсто стѣнъ емѣ служили висѣчіе покровы. Кровль поголѣ, блиставшаго красною краскою, внѣтреннее отдѣленіе не сообщалось съ внѣшнимъ. Тамъ-то стоялъ идолъ Скантовита, превосходящій огромностію всякій ростъ человѣческій, съ четырьмя головами и четырьмя шеями, съ двѣхъ сторонъ представлялись двѣ спины и двѣ грѣды; борода у идола была тщательно прикрѣплена, волосы острижены, такъ — что хвостъ дожника подражалъ прическѣ Рюгенцевъ. Въ одной рукѣ идола держалъ рогъ съ виномъ, который жрецъ, опредѣленный къ скатниці, наполнялъ ежегодно въ назначенный день виномъ, и по етомъ кинѣ оугадыбалъ благоденствіе будущаго года. Другую руку онъ держалъ согнувши, на подобіе лѣка, — по извѣстіямъ другимъ держалъ въ ней лѣкъ. Идолъ былъ одѣтъ; одежда достигала до колѣнъ, которыя были сдѣланы не изъ одного дерева съ тѣлоуицею, но такъ не-кѣсно соединены съ нимъ, что проницательный глазъ не могъ примѣтить раздѣла. Ноги его стояли на голой землѣ и подошвы входили въ землю. Подлѣ идола находились его принадлежности: сѣдло, оузда и замѣчательный огромный мечъ, котораго ножны и рукоятка блистали серебромъ и прекрасною работою. Скантовитѣ отправлялъ богослуженіе въ опредѣленные

дни и гадали о будущемъ. Онъ былъ богъ плодовъ земныхъ и богъ войны. Каждый мужчина и каждая женщина считали обязанностію благочестію принести ему въ даръ монеты; ему принадлежала также третья часть добычи, взатой на войнѣ; назначалась для его охраненія вооруженная гвардія изъ трехъ сотъ конныхъ конновъ и столько же пѣшихъ стрѣлковъ, сражавшихся во имя бога и называвшихся его войскомъ: все, пріобрѣтенное ими оружіемъ и хитростію, приносилось жрецу, который сохранялъ достояніе божества въ запертыхъ снѣдкахъ, въ особенныхъ коморахъ. Кромѣ изобилія денежнаго, въ этихъ коморахъ находилось много прѣранныхъ матерій, уже иставшихъ отъ времени, и огромное количество даровъ разнаго рода, общественныхъ и частныхъ, приносимыхъ щедростію даящихъ обѣты. Вся Славянина питала уваженіе къ рюгенскому истѣкану, и даже чужеземные цари посылали туда подарки. И въ другихъ мѣстахъ находились такіеже капища и изображенія этого божества; за ними смотрѣли жрецы меньшаго достоинства нежели арконскіи. Кромѣ сокровищъ, при этомъ храмѣ находился бѣлый конь, котораго гриву и хвостъ запрещено было свивать. Только жрецъ могъ сѣсть на него и кормить его; животное, принадлежавшее божеству, не должно было унижаться частой и обыкновенною ѣздою. Славяне думали, что на этомъ конѣ ѣздитъ самъ Свантовитъ и сражается съ своими непріятелями; это дока-

зыкали Славяне тѣмъ, бѣдо часто видѣли, какъ конь, поставленный въ конюшнѣ вечеромъ, ѡтромъ кыкаетъ весь въ пѣнѣ, какъ бы послѣ долгой ѣзды. Ётотъ конь служилъ для прорицаній. Когда собирались на войну, то передъ храмомъ ставили тройной рядъ копій, вострыхъ къ землѣ остриями, по два въ каждомъ рядѣ. Копья стояли на крестѣ одно къ другому. Такимъ образомъ, всѣхъ копій было шесть; разстояніе отъ перваго ряда до другаго было такое же, какое отъ втораго до третьаго. Послѣ торжественныхъ молитвъ, жрецъ за ѡздѣ проводилъ коня черезъ три ряда. Если конь, перепрыгивая, поднималъ прежде правую ногу, то это считалось счастливымъ предзнаменованіемъ, — а если лѣвую — то несчастнымъ, и тогда оставляли предпріятіе. Равнымъ образомъ, Славяне не прежде приступали къ плаванію и вообще ко всякомъ важномъ дѣлу, какъ испытавши скачокъ животнаго. Кромѣ этого гаданья, жрецы гадали по дощечкамъ: брали три дощечки, ѡ которыхъ одна сторона была бѣлая, а другая черная, и бросали: если двѣ упадутъ бѣлою стороною — означаетъ счастье, а если черною — несчастіе. И женщины при храмѣ гадали по линіямъ въ пеплѣ на потѣхлющемъ ѡгнѣ. При храмѣ Свѣтовита хранились также священныя знамена и орлы, ѡпотребляемые на войнѣ. Славяне питали особенное ѡваженіе къ одному знамени, которое называлось станицѣю; его появленіе возбуждало мужество. Когда Датча-

не взяли это знамя, и концы такъ упали духомъ, что потеряли городъ, а до того времени они зачинались съ великимъ спорствомъ ¹⁸⁾.

Гельмольдъ говоритъ ¹⁹⁾, что подъ Свантовитомъ разумѣли Славяне солнце, приписывали солнцу первенство надъ другими божествами и посвящали ему храмъ кумира ²⁰⁾. Храмъ былъ мѣстомъ пророчанія для приходившихъ изъ разныхъ странъ: тогда приносили годовые дары и отправляли жертвы годового очищенія. Оу Гельмольда онъ называется богъ боговъ; прочіе боги почитались передъ нимъ полубогами ²¹⁾. Подобно Саксонъ Грамматикъ, и Гельмольдъ также признаетъ его богомъ войны: между прочими кровавыми жертвами ему приносили и Христіанъ, какъ враговъ этого божества. Свантовитъ былъ покровитель всякаго художества и торговли: каждый купецъ, прѣзжавшій въ Славянскую землю, не прежде могъ пользоваться свободнымъ правомъ своего занятія, какъ заплативши даръ Свантовиту ²²⁾. Оттого, жрецы обладали большими сокровищами; вся гражданская власть находилась подъ ихъ освященіемъ, и ни на какое предпріятіе не осмѣливался народъ, не спросивъ прежде надежды на помощь бога ²³⁾. Въ известіяхъ о Свантовитѣ видны слѣды воплощенія его на зем-

18) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XIV. p. 288-289. — 19) Chron. Slav. C. VI. p. 21. — 20) ibid. L. II. C. XII. p. 234. — 21) ibid. 225. — 22) ibid. L. VI. 22. L. II. 235. — 23) ibid.

лѣ. Ъзда его на кѣломъ конѣ показывается, что подъ нимъ понимали не только вообще солнечную животворящую силу, но и воплощеніе въ человѣческомъ образѣ. Единственность его и борьба со врагами намекаетъ на историческую часть поклоненія. Саксонъ Грамматикъ и Гельмольдъ догадываются, что поклоненіе Свантовитѣ произошло отъ Св. Витѣ, котораго память занесли тѣмъ миссіонерамъ, корейскіе монахи, въ царствованіе Людовика благочестиваго, и что Славяне, передѣлавъ его имя, почитали подъ нимъ своего бога боговъ²⁴⁾. Слишкомъ надобно быть ограниченными, чтобы подтвердить такому происхожденію. Самъ Гельмольдъ²⁵⁾ говоритъ, что Славяне почитали подъ именемъ Свантовита солнце, а поклоненіе свѣтѣ, конечно, не образовалось послѣ пришествія корейскихъ монаховъ; притомъ, языческіе обряды и принадлежности этого божества такъ повсемѣстны въ Славянскихъ племенахъ, и такъ много заключаютъ общезыческаго, что древность поклоненія Свантовитѣ не можетъ восходить единственно къ IV. вѣку. Вѣроятно, Славяне разсказывали монахамъ о царствѣ Свантовита на землѣ и называли его великими своимъ покровителемъ. Монахи заключили по созвучію, не зная по-славянски, что это имя должно быть есть Св. Витѣ. Такое мнѣ-

24) Sax. Gram. L. XIV. p. 289. — Chr. Slav. L. I. 20. L. II. 235. —

25) ibid.

нїе сдѣлалось полезнымъ для миссіонеровъ. Азычники, по свидѣтельству Гельмольда, такъ были привержены къ Свантовитѣ, что долгое время послѣ крещенїа не забывали его обрядовъ; — тогда, для успокоенїа ихъ, подставили имъ Св. Вита, вмѣсто Свантовита, по сходствѣ именъ, да и сами успокоивались тою мыслію, что ежели народъ и продолжаетъ отправлять азыческіе обряды, то по крайней мѣрѣ въ честь христїанскаго Свѣтаго. Иллирійскіе Славяне до сихъ поръ празднуютъ день Свѣтаго Вита съ азыческими обрядами²⁶⁾; въ Богемїи обождали Свантовита какъ главное божество и не могли отстать отъ него и въ христїанствѣ, до тѣхъ поръ пока Князь Венцеславъ не выписалъ отъ императора Оттона мощи Св. Вита и не поставилъ ихъ для поклоненїа вмѣсто идола²⁷⁾. Это доказываетъ, что поклоненїе Свантовитѣ было древнее, повсемѣстное, а мысль о происхожденїи его отъ Св. Вита, котораго имя, вѣдѣно, занесено въ IX столѣтїи на Рюгенъ, родилась уже гораздо послѣ. Имя Свантовита, по толкованїю Шаффарика, происходитъ отъ слова Свантый (Swiety) Свѣтый и Витъ²⁸⁾. Витъ было слово, означавшее вообще достоинство природы человѣческой: отсюда витазъ, витажество, zwycięstwo (побѣда), витѣа, (краснорѣчивый, мѣдрый);

26) Карамз. Ист. госуд. росс. т. I. стр. 47. — 27) Hist. Boiem. Dubr. L. I. p. 7. — 28) Shaff. staroz. okr. I. cz. III. §. 18. 350.

тамъ и корень словъ: отвѣтъ, привѣтъ, вѣщать, вѣщій. И даже въ языкахъ нѣмецкаго племени сохранилось это значеніе: такъ по англосаксонски *vita* совѣтникъ, оттуда *vitzig*, *vittenagemot* сѣдѣ, собраніе старѣйшинъ, и скандинавское *vitter* чародѣй, вѣщѣхъ²⁹⁾.

Что Свантовитъ, Сварожичъ, Радегастъ и Даждьбогъ одно и тоже — кажется ясно. Конь 8 Свантовита и 8 Сварожича; коплощеніе на землѣ и 8 Свантовита и 8 Радегаста; всѣ три — божества войны, предвѣщаній; Радегастъ и Свантовитъ божества промышленности, каждый изъ трехъ называется единымъ верховнымъ божествомъ. Принадлежности этихъ кб-мировъ указываютъ на ихъ значеніе какъ свѣтоноснаго начала, а различія произошли отъ того, что представляли проявленіе этого начала въ разные моменты его дѣятельности небесной и земного вочеловѣченія. Конь Свантовита и Радегаста указываетъ на рыцарскію жизнь божества на землѣ и на воинственное его значеніе, какъ существа свѣта въ борьбѣ съ мракомъ, и на пѣтешествіе солнца, — подобно конямъ Аполлона. Такъ свѣтопоклонники Парсы представляли секѣ Митрѣ, который, хотя по смыслѣ системы Зендской былъ первымъ изъ Изедовъ, но считался обыкновенно за божество и назывался неповѣднимъ богомъ, пробѣгающимъ вселенную съ лукомъ, мечемъ и була-

29) Philips Deutsch. Gesch. I. 231 Grimm Rechtsaltherth. 778-779.

вою, поражающимъ злыхъ дѣховъ — Девовъ⁵⁰⁾. Такъ и Скандинавъ, солнце, ѣздилъ на своемъ вѣломъ какъ день конѣ воевать съ злыми дѣхами во время ночи, царства противнаго начала, разрѣшаемаго лучами свѣтила: мечъ и знамена также атрибуты этой непрерывной брани. Аѣкъ въ рѣкѣ напоминаетъ Аполлона — солнце стрѣлка⁵¹⁾. Бѣдѣчи богомъ брани — символомъ борьбы свѣта съ тьмою — онъ былъ богъ свѣта нравственнаго, мудрости, высочайшаго всевѣдѣнїа, общественнаго порядка и гражданственности: оттого ѣ него испрашивали предсказанїй; оттого къ нему обращались предъ начатїемъ всякаго общественнаго дѣла, и никакое вѣче, ни какой король не могъ измѣнить приговора, истекающаго отъ верховнаго свѣта. Какъ богъ солнца, онъ былъ винобникъ и податель плодородїа, что показываютъ моленїа къ нему въ изобилїи земныхъ плодовъ. Оттого и рогъ съ виномъ въ рѣкѣ ѣ него, чемъ подобное можно отыскать ѣ разныхъ народовъ. Такъ, по изысканїямъ Крейцера и Гаммера⁵²⁾, ѣ Парсовъ ѣпотреблялся кѣбокъ, называемый джемшидовымъ кѣбкомъ мїра. У Египтянъ отправляемы были гаданїа съ возлїанїемъ изъ кѣбка въ символизациѣ слѣженїа богъ годичныхъ переменъ⁵³⁾. У Грековъ происходили возлїанїа въ

30) Zend-Avest. I. B. 284 — 324. 2. th. Jescht-Mithr. 225. — 31) Paus. III. 18. — 32) Steierm. Zeitschr. 1821. I. h. p. 78. — Creutz. Symb. IV. 67. — 33) Symb. und Myth. III. 412. Vollm. Myth. p. 437.

Самотракн нзѣ кѣба, называвшагося солнцевымъ ⁵⁴⁾.
Кѣбокѣ Бакхѣ приносилась также какъ символъ тво-
ренія и плодородія свѣтоносномъ началѣ ⁵⁵⁾.

И такъ, нзѣ всего етого мы можемъ заклю-
чить, что Свантовитъ = Радегастъ = Сварожичъ =
Дажь-Богъ были одно существо подъ нѣсколькими
названіями и означали свѣтоноснѣе силѣ въ нравствен-
номъ и физическомъ смыслѣ.

Что одно и тоже божество можетъ называться
различными именами, етого нѣтъ необходимости до-
казывать. Въ скандинавской мидлогіи Одинъ имѣ-
етъ до 12ти названій ⁵⁶⁾. И такъ какъ мы зна-
емъ, что Славяне покланялись свѣтѣ подъ разными
наименованіями, то ето даетъ намъ поводъ искать
и подъ другими мидлогическими именами тогоже
понятія. Такъ, я полагаю, что Первѣй, главнѣйшее
божественное существо послѣ Бога Вседержителя ѿ
Рѣссовъ также означалъ свѣтоносное начало; Онъ
переводится Юпитеромъ и именуется богомъ грома и
молніи, и по етому ѿже есть видоизмѣненіе поня-
тія о свѣтѣ. Но кажется, онъ означалъ не только
громовника, а вообще свѣтъ. Первѣй божество ста-
ринное и корень его названія отыскивается ѿ мно-
гихъ народовъ: такъ ѿ Литовцевъ ето существо на-

34) Uschold. см. Wissensch. der Myth. v. Hanusch. p. 152. — 35) Symb.
III. 411. — 36) Rauschn.

зыкалось Перѣдносѣ ³⁷⁾ а ѿ Готовѣ Jairguns ³⁸⁾, что сходно съ Зендскимъ Reigamun, означающее свѣтлое, небесное жилище ³⁹⁾. Слово Перѣнѣ на многихъ языкахъ можетъ означать огонь, по гречески πῦρ — слово, по свидѣтельству Платона ⁴⁰⁾, замѣтванное отъ Скифовъ; по чешски pĕrenĭ ⁴¹⁾. Огонь служилъ священною принадлежностію богослуженію Перѣнѣ. Такъ Гвагнини ⁴²⁾ говоритъ, что въ Новгородѣ передъ истѣканіемъ Перѣна горѣлъ негасимый огонь изъ дѣреваго лѣсѣ. У Полковъ это самое божество называлось и Перѣнѣ и Jessen (жельный) и почиталось дарователемъ земныхъ плодовъ ⁴³⁾, въ чемъ очевидное сходство съ Свантовитомъ. Атрибутомъ его въ Силезіи была гора Саботѣ ⁴⁴⁾, слово на дракѣйскомъ языкѣ означавшее восходящее солнце. И такъ, гора Саботѣ значитъ гора солнца: сходно съ етимъ и Соботка — польское наименованіе всеславянскаго кѣпальскаго праздника. Перѣнѣ какъ и Свантовитѣ, былъ богомъ войны и мира; по етому, ѿ подножія его клали орѣжіе и клались при заключеніи договоровъ ⁴⁵⁾. Въ Богеміи же слово Мссонѣ означало въ древности солнце ⁴⁶⁾.

Все это приводитъ насъ къ тому, что Перѣнѣ, высочайшее божество Русскихъ и Полковъ, есть то-

37) Dzieje Nar. Lit. t. I. 7. — 38) Shaff. Staroż. t. I. p. 51. — 39) Zend-Av. I. B. 240. — 40) Allg. Nord. Gesch. 274. — 41) Русс. прост. празд. и слав. обр. I. 254. — 42) Kronika Wielk. Xięstwa Moskiewsk (polski przekł.) X. VII. na c. 485. — 43) Sarnic. p. 1028. — 44) De Siles. rebus C. VII. p. 112. — 45) Нест. древ. текст. I. т. лѣт. — 46) Piesni ludu Polsk. Pauli p. 32.

же, что и Овантовитъ, божество дрѣвнихъ Славянъ. Имя Перѣна, переводимое классиками Юпитеромъ, извѣстно было и у дрѣвнихъ адриатическихъ Славянъ, ибо на аквилейскихъ надписяхъ находятся слова Jovi Sancti Beroni tonanti, а въ дрѣвней bono Deo Beroni ⁴⁷⁾, что (если только достовѣрны надписи) доказываетъ какъ древность поклоненія Перѣну, такъ еще и значеніе его какъ бога свѣта; ибо добрымъ богомъ преимущественно называли Яполона, бога солнца.

Въ хроникѣ саксонской описывается истѣканъ, находившійся въ Любекѣ: мѣдины съ вѣнцомъ на головѣ, съ продолговатыми ушами и съ краснымъ, какъ бы раскаленнымъ, желѣзомъ въ рѣкѣ: онъ назывался Проне ⁴⁸⁾. Кажется, мы не ошибемся, если почтемъ это названіе однознаменательнымъ съ нашимъ Перѣномъ. Желѣзо въ рѣкѣ значитъ ордацію — символъ суда. У Гельмольда въ трехъ мѣстахъ ⁴⁹⁾ его славянской хроники упоминается божество Прокъ, называемое верховнымъ божествомъ Вагровъ. У него не было ни храма, ни изображенія; Славяне посѣщали емъ только дѣвъ, окруженный оградой съ переднимъ пространнымъ мѣстомъ для народа. Тамъ приходили люди съ жрецомъ и совершали жертвы; тамъ собирались вѣча, поставляли законы и судили тяжбы. Никто не смѣлъ входить за оградъ, исключая при-

47) Слав. сборн 244. — 48) Chr. ant. sax. Chr. Slav. N. p. 126. —

49) Chron. Slav. 125, 160, 185.

носимых жертв и убивающих отъ смерти ⁵⁰⁾. Прокс был такимъ образомъ божеество правосудіа; и Прокс былъ тоже, что показывается ордаіа въ рѣкѣ его. Всѣ мидографы согласно признавали ихъ за одно существо. Я полагаю, что Прокс и Прокс = Перднх = Свантовитъ и прочимъ наименованіямъ свѣтоноснаго начала. Доказательства слѣдующія: 1. Прокс и Перднх явственно одно имя, и кажется Прокс есть испорченное слово Перднх. 2. У Прокса въ рѣкѣ красное желѣзо; у Пердна, по извѣстію Гвагнини, былъ въ рѣкѣ огненный камень. 3. Вагры признавали за верховное божеество Свантовита, а между тѣмъ Прокс называется ихъ верховнымъ божеествомъ. Поэтому, не льзя признать его за одного изъ второстепенныхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Бога Вседержителя дѣховъ, а верховное божеество, кромѣ Бога, явственно отдѣляемаго отъ Свантовита Гельмольдомъ, былъ свѣтъ.

Тожѣ значеніе имѣлъ въ Штетинѣ и Триглавъ, котораго жизнеописатель Ск. Оттона Бамбергскаго называлъ величайшимъ божеествомъ Славанъ. По разсказу Еббона, другаго жизнеописателя Оттонова, онъ изображался съ тремя головами, и это означало три царства: небо, землю и преисподнюю; глаза и уста у него были завѣшены золотошвейнымъ покровомъ, для того, чтобы недопустить его видѣть и порицать

50) Chr. Slav. 185.

людиских слабостей. Храм его описывается очень нарядно. Въ святилищѣ хранились серебряные и золотые сосуды, бѣлоскые роги для питья и для трѣбъ, множество оружїа и всякихъ запасовъ, ибо Штеттинцы отдавали тогда десятую часть добычи, взятой на войнѣ, и Славянинъ обязанъ былъ принести ему подарокъ, спасшись отъ вѣри на морѣ, которѣю, по народномъ понятїю, возбуждало его ко жестокости. Въ честь Триглава отправлялись праздники со священными играми, танцами и пирами. Близъ главнаго храма находились три зданїа, называемыя континны (?); тамъ и доловъ не было, а столы амфитеатромъ лавки и столы; тогда народъ сходился на вѣчаши, послѣ собранїа, заключалъ толки о дѣлахъ отечества веселыми пирами⁵¹⁾. Триглава почитался въ разныхъ мѣстахъ Славящины и почтенїе къ нему было столь велико, что и послѣ крещенїа Славяне держивали его изображенїа въ пещерахъ⁵²⁾. Повсемѣстность его доказывается мѣстными названїями горъ на пр. Тергалъ въ Краннѣ⁵³⁾: легко быть можетъ, что и тамъ стояли храмы Триглава, ибо и Штеттинъ построенъ былъ на трехъ холмахъ⁵⁴⁾. Добровскій⁵⁵⁾, Бандке⁵⁶⁾ и Гандшъ⁵⁷⁾ видятъ въ немъ Тримурти Индѣйцевъ, такъ что царь неба —

51) Vita Sancti Ottonis. Act. Sanctor. Jul. p. 403, 437—439. — 52) ibid. —

53) Die Wissensch. des Myth. 100. — 54) V. S. O. 436. — 55) Slav. 414. — 56) Dzieje Narodu Polsk. I. p. 116. — 57) Die Wissensch. des Myth. 102—104.

онъ ракенъ Брамъ, царь земли — Вишнъ, царь преисподней — Шивъ, сѣщество разрушительномъ; — тѣмъ болѣе, что Триглавъ сидѣлъ, и Тримурти изображался въ сидачемъ положеніи; и ѿ Тримурти была также заѣса въ видѣ треугольника на трехъ головахъ⁵⁸⁾. Но такъ какъ жизнеописатель Оттоновъ именуетъ его высочайшимъ богомъ Славянъ, то зналъ, что такъ называли то сѣщество, которое означало свѣтъ, — и въ Триглавѣ можемъ мы искать значеніа свѣта. Намъ говорятъ, что онъ былъ Тримурти Индѣйцевъ, но Тримурти изображалъ солнечную силу въ годичныхъ перемѣнахъ. Многіе народы Востока дѣлили годъ на три части⁵⁹⁾. Такое дѣленіе было и ѿ Германцевъ. Оно было и ѿ Славянъ⁶⁰⁾, что показываютъ три народные праздника, соотвѣтствующіе временамъ года. Земледѣліе, старинное занятіе Славянъ, проявляется въ трехъ функціяхъ: сѣянніи, собираніи и приготавленіи; сообразно етому, располагаются три времени года: весна, лѣто, зима; осень исчезаетъ отъ простаго взора, половина ея является съ лѣтомъ, половина съ зимою; въ жизни природы человѣкъ ѿсчитываетъ только начало, средину и конецъ. Оттого и дѣленіе года на три части. Въ Триглавѣ можно признать свѣтоносную тронную силу, равнозначительную тремъ временамъ года: веснѣ, лѣту и зимѣ и вмѣстѣ тремъ царствамъ, какъ объясняетъ Еббонъ:

58) *ibid.* — 59) *Allgem. Univers. Gesch. v. Leo. t. I.* — 60) *Hanusch.*

небѣ, какъ источникъ всего, а потомъ вмѣстѣ вселеннѣ; земля какъ пространство, на которомъ совершается развитіе дѣятельности свѣта, а слѣдовательно, необходимо, времени, въ которое совершается эта дѣятельность, — лѣтъ, а подземномъ мірѣ — зимѣ жизненной. Еще убѣждаетъ меня въ однозначительности Триглава съ другими наименованіями свѣта то, что атрибуты этого кожества сходны съ атрибутами Скандовита. При храмѣ Штеттинскомъ жрецы имѣли священнаго коня (только короного); за нимъ поочередн ходили четыре жреца; никто на него не садился. Передъ начатіемъ войны, они проводили его черезъ девять копьевъ, и ежели онъ проскакивалъ не зацепившись, то заключали о счастливомъ окончаніи предпріятія. Кроме того, отправляли другія гаданія посредствомъ деревьевъ⁶¹⁾. По сказанію жизнеописателя, Триглавъ былъ богомъ войны, какъ Скандовитъ⁶²⁾. И такъ, кажется несомнѣнно изъ всего этого, что и Триглавъ означалъ свѣтоносное начало, почитаемое подъ разными именами.

Въ той же категоріи относится Бѣлаговъ. Въ исторіи каминскаго епископства⁶³⁾, говорится, что Славяне признавали доброе начало, подъ именемъ Бѣлаго — Бога, противоположное зломъ, называемомъ Чернобогомъ. У Гельмольда мы находимъ извѣстіе, что Славяне при пирахъ обносили чашу съ бла-

61) V. S. Ott. 403. — 62) ibid. 437. — 63) Script. Rer. Germanic. p. 513.

гословеніями и заклүтіями, вѣра, что счастіе проистекаетъ отъ добраго бога, а все дѣрное отъ злаго, называемаго на-ихъ языкѣ дѣвола или Чернобога. Бѣлѣдъ за тѣмъ, Гельмольдъ говоритъ, что добрый Богъ есть Скандовитъ ⁶⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ приведенной выше исторіи Каминской ⁶⁵⁾ говорится, что Славяне отправляли пиршествъ и обносили чашѣ на праздникѣ свѣта (*si quando lux festa venisset*). Мѣсто кажется, что Бѣлбогъ и Скандовитъ одно и тоже. Поклоненіе Бѣлбогъ было повсемѣстное. Въ отдаленной древности оно было извѣстно и Славянъ Адриатическихъ. Такъ на камняхъ, найденныхъ близъ Аквилы, читаютъ: *Belino divi*, *Belino Apollino*; можно узнать здѣсь Бѣлбога; это имя переведено буквально по латинѣ: *Belino divi* ⁶⁶⁾. У Кельтовъ существо свѣта, переводимое римскими писателями Аполлономъ, называлось также Белиномъ ⁶⁷⁾, что показываетъ древность этого названія и сѣверныхъ народовъ. Да и самое имя Аполлона, немѣнѣе въ греческомъ языкѣ корня, кажется однозначно по корню съ Бѣлиномъ кельтскимъ и Бѣлбогомъ славянскимъ; ибо Аполлонъ занесенъ въ Грецію съ Сѣвера, почему и назывался гиперборейскимъ. Названіе Бѣлбога совпадаетъ съ русскимъ выраженіемъ бѣлый свѣтъ, и бѣлый день; отсюда бѣлый царь, ибо цвѣтомъ бѣ-

64) Chron. Slav. L. I. C. 53, p. 123. — 65) Script. Rer. Germ. p. 510. —

66) Слав. сборн 243. — 67) Allgem. Welt-Gesch. Gesch. der Celt.

лымъ, цвѣтомъ видимыхъ солнечныхъ лучей, свѣто-
поклонники означали все, достойное уваженія.

Зналъ, что столько именъ означали одно свѣто-
носное существо, можно сдѣлать нѣкоторыя догадки
относительно другихъ мифологическихъ именъ. Писатели,
передавшіе намъ извѣстія о Полабскихъ и Прибал-
тійскихъ Славянахъ, упоминаютъ о Мровитѣ, Рѣ-
гивитѣ, Поревитѣ и Перенѣтѣ. Мровитъ или Гіеро-
витъ у жизнеописателя Оттонова представляется бо-
гомъ войны и называется Марсомъ. Подлѣ его
къмира висѣла золотой щитъ; этотъ щитъ не вы-
носили изъ капища, кромѣ важныхъ военныхъ случа-
евъ. Мзычники имѣли такое благоговѣніе къ этой
вещи, что когда христіане хотѣли разорить идола и
убить зпорнаго жреца, то жреца, ударивъ въ щитъ,
съ страшными крикомъ, бросалъ въ толпу народа и
возбуждалъ такой ужасъ въ новообращенныхъ христі-
анъ, что они, по старой привычкѣ, увидѣвши щитъ,
попадали на землю ⁶⁸⁾. Мы знаемъ уже, что бо-
жество свѣта, подъ всѣми своими наименованіями,
было вмѣстѣ божествомъ войны. Мровитъ, будучи
богомъ войны, принадлежалъ къ номинаціямъ свѣто-
носнаго начала: слово мръ означаетъ и мрость, муже-
ство и вмѣстѣ веснѣ, молодость, свѣжесть. Не
безъ основанія можно видѣть въ Мровитѣ солнечную
силу, проявляемую весной. Онъ то, что Сомъ или

68) Vit. Sancti Ott. 410.

Геркулеса 8 Египтянъ и Грековъ ⁶⁹⁾. И оттого то, кажется, одинъ жизнеописатель Оттона назвалъ его Гіерокитомъ, а другой Верокитомъ, перевода слово лрх на латинское Ver ⁷⁰⁾, что легко должно было статься, ибо ети жизнеописатели разъ замѣтили, что славянскій языкъ имѣетъ сходство съ латинскимъ и позволили себѣ производить контины отъ continere.

У Саксона Грамматика описывается въ Каренцѣ ндолъ, называемый Рѹгїевитъ. Онъ имѣлъ семь головъ и семь мечей, а восьмой, обнаженный, держалъ въ рѹкѣ. Вышнюю онъ превосходилъ всякій чело-вѣческій ростъ ⁷¹⁾. Онъ называется богомъ войны и поетомъ однозначителенъ съ прежними. Има Рѹгїевитъ, кажется, правильное вѣдетъ прочтено Рѹнє-витъ (ибо ѣ прибавили тамъ, гдѣ мягкія буквы 8 Славянъ, какъ и Гіеровитъ вѣсто Мровитъ); оно происходитъ отъ рѹннѣй = красный, горячій, огненный, такъ что богъ означаетъ свѣтъ, въ кѹльминаціи своей дѣятельности, то, что Ногос, мужественный, воинственный сынъ Озириса солнца ⁷²⁾; и различіе междѹ Мровитомъ и Рѹнєвитомъ вѣдетъ такое, что первый значитъ веснѣ, а послѣдній лѣто. Семь головъ и семь мечей означаютъ полнѹ силу божества

69) Creutz. Symb. 11. 336. — 70) V. S. O. 440. — 71) Sax. Gramm. p. 294. — 72) Symb. 1. 297. ibid. 11. 336.

и указываютъ на свое космическое происхождение: семь созвездій и семь главныхъ боговъ въ Египтѣ, семь Амшиспандовъ въ Зендавестѣ... наконецъ, семь тысячъ дней царствовалъ Даждь-богъ на землѣ.

Близъ храма Рѣнектова стояло капище Порекита: идолъ его былъ безоруженъ ⁷³⁾; и поэтому можно признать въ немъ значеніе, противоположное Рѣнектѣ. Порекитъ былъ солнце зимнее, потерявшее разницу свою силу, божество мира, (Гарпократъ, сынъ Озириса у Египтянъ и Грековъ) ⁷⁴⁾, тѣмъ болѣе, что зимою отправлялся праздникъ, который справедливо, съ нѣкоторой стороны, мидографы называли праздникомъ мира.

Подлѣ храма Поректова стоялъ храмъ Поренѣта. Нарѣшевичъ толкуетъ, что это слово происходитъ отъ *poronice* ⁷⁵⁾ родить, и полагаетъ, что онъ былъ символомъ рождающей силы. Это, по моему мнѣнію, основательно. Идолъ изображался съ четырьмя головами, а плечи держалъ на груди, одною рукою за бороду, а другою за локъ ⁷⁶⁾. У Славянъ, какъ и у другихъ народовъ, было понятіе о ежегодномъ рожденіи солнца, — какъ выражался поворотъ на лѣто — и потому Поренѣтъ четвероголовый, (потому что сходный съ Свантовитомъ) кажется, изображалъ солнце въ моментъ его возвращенія къ дѣятельности послѣ

73) Sax. Gramm. 299. — 74) Symb. 1. 296. — 75) Hist. Nar. polsk. t. 1. Mythol. Slaw. — 76) Sax. ibid.

зимнаго ысыпленія. Четыре головки были постоянными атрибутами солнца вообще, а пята на груди означала рожденье новаго солнца. — Къ тѣмъ же номинаціямъ свѣтоноснаго начала принадлежатъ имена Лада и Живаго. По сказанію Стрыйковскаго ⁷⁷⁾, божество Лада праздновали весной отъ 23. Мая по 24. Іюня. Изъ всѣхъ языческихъ божественныхъ наименованій одно только названіе Лада сохранилось теперь такъ живо въ народѣ, что рѣдкаа весенняя обрядная пѣсня обойдется безъ припѣва: Ладо! Ладо! По Кромѣ, Гвагнини, Бѣльскому и Густинской лѣтописи ⁷⁸⁾, Ладо или Ладонъ означаетъ кога всякаго наслажденія и благополучія: оттого ема приносили жертвы женившіеся; отъ его благословенія зависѣло счастье семейственное; къ нему обращались при рожденіи дитяти. Изъ пѣсень мы видимъ несомнѣнно, что Лада была божество весны и любви. Слово Лада очевидно славянское и означаетъ согласіе, гармонію, красоту и любовь. Слово ладность значитъ красоту; по чешски лада: = красавица; по польски и по южнорусски ładny: прекрасный; ъ Русскихъ лада и лада значатъ мужа и жену. Но такъ-какъ Лада было божество любви и гармоніи, и вмѣстѣ божество весны, то, слѣдовательно, оно было божество гармоніи вселенной, любви всемірной, символъ вседѣйствующаго, все-

77) Strzyk. kronika. t. 1. — 78) Густ. лѣт. повн. собр. рус. лѣт. т. 2. 257. — Сром. 53.

оживляющаго весеннаго солнца; и праздникъ емѹ от-
павляли въ эпохѹ красоты природы, во время, ког-
да особенно дѣйствуетъ въ животныхъ полокое воз-
бужденіе. Длѣгошъ называетъ его божествомъ вой-
ны ⁷⁹⁾; такъ коннотенное значеніе свѣта было не
различно со всѣми модификаціями его поклоненія.

Однозначительно съ божествомъ Лады было бо-
жество Живъ или Живый, называемое Длѣгошемъ бо-
жествомъ жизни ⁸⁰⁾. Въ лѣтописи Прокоша ⁸¹⁾ раз-
казывается, что на горѣ Живцѣ, названной отъ име-
ни божества, былъ построенъ храмъ, и собирався
въ множествѣ народъ весною въ первыя дни мѣ-
сяца; тамъ молились о счастіи и благоденствіи во весь годъ.
По мнѣніямъ язычниковъ, Живый былъ божество бла-
гополучія, верховный правитель вселенной (*supremum
universi moderatorem*) и божество красоты и весны. Славяне,
говоритъ также лѣтопись, думали, что божество
Живый превращается весною въ кѣкѣшкѹ, дабы посред-
ствомъ этой птицы возвращать время года и дол-
готѣ жизни людямъ, и потомѹ емѹ особенно приноси-
ли жертвы, когда слышали въ первый разъ весною кѣ-
кованіе кѣкѣшки, спрашивали: сколько лѣтъ кому
жить и заключали о числѣ будущиѹхъ годовъ по то-
мѹ, сколько разъ кѣкѣкнетъ птица послѣ вопроса ⁸²⁾.

79) Hist. Polon. — 80) ibid. p. 37. — 81) Chron. Slav. h. 1 p. 36.
Sarm. Warsz. 1827. — 82) ibid.

Это весеннее поклонение Ладѣ и Живомѣ доказываетъ, что они — одно божество, и оба названія относятся къ свѣтоносному началу въ смыслѣ всеобщей любви и жизни природы. Вместе съ этими названіями, чествовали Славяне женское существо, называемое Ладю и Живую: подобно какъ у древнихъ Пеласговъ было мужское существо (ἄξιόχερσος) живитель, плодотворитель и женское (ἄξιόχερσα)⁸³⁾.

Изъ одной старинной южнорусской сказки, которая видимо относится къ глубокимъ временамъ язычества, я нашелъ слѣдующее: Ивась (такъ звали героя) получилъ приказаніе отъ пана, которымъ служилъ, узнать: зачѣмъ солнце перемѣняется три раза въ день. Онъ поѣхалъ черезъ той свѣтъ въ теремъ солнца надъ моремъ; солнца долго не было: оно ѣздило по свѣту; Ивась засталъ солнцею мать, которая, осведомившись за чѣмъ онъ пріѣхалъ, приказала ему сѣсть за желѣзное корыто. Когда солнце, коротилось вечеромъ, мать спросила его: зачѣмъ оно перемѣняется въ день три раза? Есть, — отвѣчало солнце, — въ морѣ прекрасная Анастасія: когда я взойду, она на меня брызнетъ водою, — я застыжусь и покраснѣю; когда же я взойду на высоту и посмотрю на весь свѣтъ, мнѣ станетъ весело; а когда захожу, — Анастасія опять брызнетъ на меня морскою водою, и я опять покраснѣю. Изъ этого видно,

83) Symb. und Myth. der alt. Völk. 11. 291.

что 8 Солнца была мать, да еще женщина, которая его занимала как любовница.

Мы находим 8 Гельмольда, что 8 Сивань была богиня Сива или Жива⁸⁴⁾. В Mater verborum Вальерада мы встречаем также богиню, переименованную Церерою; она изображена с колосом и цветком в руках⁸⁵⁾. По другом изображению она представляется с младенцем на голове и виноградной лозой или яблоком⁸⁶⁾. Мы знаем, что 8 Финских народов было божество Золотая Баба с младенцем на руках⁸⁷⁾. Название это бесспорно не финское и божество заимствовано от Славян. Как распространено было 8 нас в языческие времена почитание подокнаго женскаго существа, видно из того, что во многих местах попадаются и теперь гробы статуи и изображения женщины с младенцем. Что между Золотой Бабой и Живой есть соотношение и близкое, видно не только из того, что они оба изображаются с младенцами: Долгош ясно указывает на единство их, говоря, что была гора, называемая Баба, а на ней град Живец⁸⁸⁾; а мы знаем, что Живцем называли место, где поклонялись Живе. Но с Живой однозначительна и Лада, ибо весенний праздник Лады был также праздник Живы, самым названием Жива

84) Chron. Slavor. 125. — 85) Czas. czesk. Muz. 1827. 4. h. p. 70., 76.

86) Карамз. ист. госуд. росе. т. 1. 85. — 87) Gwagn. kron. polska.

część 1. X. 7. — 88) Hist. Polon. 1. p. 33.

и Лада выражаютъ одно и тоже, и наконецъ въ пѣсняхъ епитетъ Ладѣ — мать, а у Литовцевъ Лада называлась Золотою Панею ⁸⁹⁾, что тождественно съ Золотою Бабю. Праздникъ ей какъ у Литовцевъ, такъ и у Русскихъ, соединялся вмѣстѣ съ торжествомъ солнца ⁹⁰⁾. Вакерадъ называетъ ее Венерою. Еще Чехи звали ее Красопани, — ⁹¹⁾ и Красына: такъ называется истокъ богини, поставленный Св. Людмилою въ язычествѣ ⁹²⁾. По моему мнѣнiю, она символизовала природу, жизненное начало, была мать солнца въ его воплощенiи, богиня любви, гармонiи, крака, веселiя, красоты и всякаго благополучiя, мать — питательница мiра, подательница благъ. Ее то въ Чехiи называетъ волшебница Церерою, матерью Марса ⁹³⁾, между тѣмъ какъ Церера классическая не была матерью Марса. Младенецъ на головѣ означалъ воплощенный свѣтъ, а яблоко въ рукѣ едва ли не то лицо, которое снесла Лато — на изъ которой образовались Аполлонъ и Дiана, и вмѣстѣ то лицо, начало всѣхъ вещей, которое почитали Индiйцы. — Это женское символическое существо находится во всѣхъ почти мидологiяхъ, и подъ разными наименованiями въ каждой: — Лада была тоже, что у Индiйцевъ Бхагани, первоначальная воспринимающая зародыши творенiя женственная сила ⁹⁴⁾, и Лакшми,

89) Dz. Nar. Lit. t. 1. nac. 40. — 90) *ibid.* p. 303. — 91) *Gesch. der Böhme. v. Palacky.* 179. — 92) *Kron. czech.* 1541. p. 61. — 93) *Kron. czech.* 53. — 94) *Symb.* 11. 124.

которѣю почитали подѣ изображеніемъ женщины съ младенцемъ на Коромандельскомъ берегу⁹⁵⁾: а етотъ младенецъ былъ коплоищенный скѣтъ. У Египтянъ она была Изидѣ; — у Фригійцевъ а послѣ у Римлянъ матеръ Цибелѣ⁹⁶⁾: ей тамъ отправляли кесною празднисто Megalesia⁹⁷⁾; она почиталась долго въ Римѣ подѣ видомъ женщины съ ребенкомъ, означавшимъ коплоищенное божество: впоследствии хотѣли видѣть въ етомъ изображеніи прообразованіе Спасителя; — у Ассирійянъ она была Илантѣ, возбуждающая и плодотворяющая твореніе матеръ⁹⁸⁾; — у Грековъ, у которыхъ разсыпалось болѣе прочихъ народовъ на индивидуалы скѣтопоклоненіе, ее можно видѣть и въ Герѣ, матери боговъ, и въ Афродитѣ, любовной силѣ, и въ Минеркѣ Сланской, родительницѣ солнца¹⁰⁰⁾ и особенно въ матери скѣта — Аполлона, Латонѣ, которой даже названіе звѣчитъ сходно съ нашею богиней; Греки получали ее изъ темнаго гиперборейскаго скѣвера и первоначально чествовали подѣ именемъ Илантѣ въ Ефесѣ, въ изображеніи матери вселенной, первой родильницы¹⁰¹⁾; — у Прѣссовъ она называлась Жиза, т. е. перенятѣ отъ Славянъ, съ которыми Прѣссы были въ тѣсномъ религіозномъ сношеніи, Живѣ; — у Скандинавовъ она была Фригѣ, заимствованная также отъ Славянъ, нко называлась вандальскою: иланрѣй.

95) Zend - Av. 1. B. 1. th. 176. — 96) Symb. IV. 44. — 97) Liv. XXIX. —

98) Tertul. apolog. — 99) Paus. p. 27. — 100) Symb. IV. 2. 43. —

101) ibid. 21. 117.

скіе Славяне чествовали Ладѣ подѣ именемъ Добрай Фригѣи¹⁰²⁾. Какъ распространено было ъ Славянъ поклоненіе Ладѣ, видно изъ того, что во первыхъ, ъ всѣхъ совершенно славянскихъ народовъ, имѣ ее осталось въ пѣсняхъ, и во вторыхъ, множество ърочницъ напоминаютъ ее. У Давгоша она же Венера—Дзиндзилѣ¹⁰³⁾ и толкуется богиней дѣторожденіа, ибо къ ней обращались родильницы; ъ Стриковского Зизилѣ, къ которой молились о любви и плодородіи, также переводится Венерою. Я полагаю, что она была и то, что ъ насъ называется мать-земля; и ей-то поклонялись сѣверные германскіе народы (подѣ которыми, вѣроятно, надобно разѣмѣть и часть Славянъ) подѣ именемъ Герты, (die Erde) однозначительной съ mater tellus ъ Римлянъ.¹⁰⁴⁾ Какъ Латона была матерью мужескаго и женскаго существа: Аполлона и Діаны, такъ и Лада славянская мать Лелѣ и Лели (Лилитъ, Паллѣ классической мидологѣи). Хотя эти имена встрѣчаются особенно въ литовской мидологѣи, но нѣтъ сомнѣніа, что они были ъ Славянъ; ибо о нихъ ъпоминаютъ историки¹⁰⁵⁾, и въ нашихъ пѣсняхъ существуетъ припѣвъ: Лелю — Ладю. Лелѣ по литовски значитъ — свѣтлый; но тоже оно означаетъ и по славяни: томъ доказательство глагола лелѣть въ малоросс. и простонародномъ русскомъ языкѣ,

102) Карамз. т. 1. 88. — 103) Hist. Polon. p. 36. — 104) Tac. Germ. —

105) Krom. 56. Stryik. kron. polska p. 46.

означающій: блистать, сверкать. Эти два близнеца служили особеннымъ предметомъ поклоненія народовъ въ Англіи, гдѣ, по сказанію Тацита, жрецы, приносящій имъ жертвы, одѣвались въ мужское и женское платье разомъ ¹⁰⁶⁾: подобное осталось въ великорусскихъ простонародныхъ играхъ, и доказываетъ, что эти два существа: одно мужское, другое женское, — по высшему внутреннему раздѣленію, — были одно. Такъ и Индійцевъ воплощенный міръ представлялся въ образѣ двуполого божества ¹⁰⁷⁾. Такъ и Грековъ Діонисій, воплощенное солнце, изображалось въ видѣ двуполомъ (*ἀρσενόθηλος*) ¹⁰⁸⁾. Такое же почитаніе свѣтоноснаго существа было и у Египтянъ, какъ это доказываетъ ихъ религіозными церемоніями ¹⁰⁹⁾. — Это двуполое существо выражало: природу первоначальную, — когда она еще не была въ противоположностяхъ, — и природу окончательную, абсолютную, результатъ процесса міровой жизни.

Существо двуполое — двутѣлецъ по славянски — ¹¹⁰⁾ скоро явилось въ образѣ отдѣльныхъ существъ мужскаго и женскаго. Мужское есть воплощенный свѣтъ: Свантовитъ = Кришна — Вишна = Созіашъ = Озирисъ = Аполлонъ = Діонисій = Атисъ; женское — вода. — Во всѣхъ религіяхъ вода изображаетъ страдательную первоначальную матерію женственнаго существа, изъ кото-

106) Germ. — 107) Symb. III. 444. — 108) ibid. 200. — 109) ibid. 445. — 110) Lat. verb. 4.

рой посредством плодотворнаго прикосновенія сущест-
ства мужскаго произошли всѣ вещи. Въ Индїи это
существо есть Сакти; само по себѣ бездѣльное и хо-
лодное, оно изображается въ видѣ влаги; оттого и
священная рѣка Гангесъ носитъ названіе Сакти. Оно
воспринимаетъ отъ мужскаго существа — огня, Шивы,
и производитъ жизнь. По зендскомъ понятіи Цер-
мане-Акерене создалъ словомъ своимъ (Гоноверъ) — пер-
вообразъ матеріи, прароумъзда, въ которомъ соединя-
лись начала свѣта и воды и образовалось твореніе
сперва черезъ раздѣленіе, а потомъ чрезъ взаимность
противоположностей.¹¹¹⁾ У Симетическихъ Народовъ во-
да представлялась женскимъ страдательнымъ основнымъ
элементомъ творенія.¹¹²⁾ Въ Египтѣ вода считалась
страдательно — женскимъ существомъ и символизова-
лась въ видѣ Изиды, пробужденной къ плодородію
огне — свѣтомъ.¹¹³⁾ Въ Греціи океанъ былъ въ началѣ
всѣхъ вещей, и по ученію орфеевъ изъ воды образова-
лось твореніе, когда она возбуждена была бракомъ
съ божествомъ въ видѣ змѣи, называемымъ Герак-
лесъ т. е. Гераклесъ: оно означало свѣтоноснѣе силъ.
¹¹⁴⁾ Такое жъ понятіе находится и въ библейскомъ
ученіи; прежде всего создана вода и пребываетъ не-
видима и нестроена, пока Богъ сказалъ: да бѣдетъ
свѣтъ, и тогда началось оживленіе и плодородіе без-

111) Kleuk. Kurze Darstell. des Lehrbegr. d. alt. Pers. 8. — 112) Creutz.
Symb. t. I. 377. — 113) ibid. t. II. 157., III., 324. — 114) ibid. III.,
314., 321.

движной, холодной, женской материи. По скандинавскомъ понятіи, твореніе возникло изъ противоположностей свѣта или огня, и воды, или холода.¹¹⁵⁾ Славянская космогонія не оставила намъ послѣдовательнаго ученія, однако есть слѣды того же понятія, напр. въ слѣдующей червонорусской пѣснѣ:

Колнсь — то было съ початкѣ свѣта,

Тодѣ не было нека нѣ землѣ,

Нека нѣ землѣ — нмѣ сине море,

И потомъ описывается, какъ слетаютъ два голубя — символы двуполой творческой силы, любви — и производятъ твореніе, добывая изъ бездны элементы онаго. — Страдательное положеніе воды въ природѣ послужило человѣкѣ поводомъ видѣть въ ней женское существо. Безъ животворной силы свѣта, безъ движимаго вода наполняетъ пространство въ видѣ снѣга, льда, мертвой массы; но когда свѣтъ и теплота пробуждаютъ ее, она расходуется и, подъ вліяніемъ свѣта, рождается и питается годовой мѣрой. И на этомъ — то внутреннемъ основаніи Славяне — свѣтопоклонники почитали воду. Еще Страбонъ говоритъ о жителяхъ Югозападной Россіи, что они поклоняются рѣкамъ и источникамъ, и одна рѣка называется ѿ нихъ именемъ божества *Βογαίου*¹¹⁶⁾. Прокпій Кесарійскій говоритъ, что Славяне признавали ѣдинаго Бога, но поклонялись рѣкамъ и источникамъ¹¹⁷⁾.

115) Rauschn. 375. — 116) Strabo. VII. 5. — 117) De bel. Goth.

У Славянъ Прибалтійскихъ были освященные источники, куда ходили для поклоненія; такой источник находился на острове Рюгенъ въ дремучемъ лѣсѣ. Въ Штетинѣ былъ источникъ, куда стекались на поклоненіе. Въ другихъ мѣстахъ Западной Славяніны были подобные источники, куда не позволялось подходить иноверцѣ¹¹⁸⁾. Дитмаръ говоритъ объ озерѣ Гломази, которое со страхомъ было почитаемо сестрами Славянами¹¹⁹⁾. Тотъ же писатель говоритъ, что Поморане чтили море, и миссіонеръ христіанства Рейнбернъ, для освященія стижіи, освященной демонскими служеніемъ, повергнулъ тогда четыре камня, намазанные священнымъ елеемъ¹²⁰⁾. Козма Пражскій говоритъ о Чехахъ, что они въ язычествѣ поклонялись источникамъ и рѣкамъ и приносили имъ жертвы¹²¹⁾. Полки въ язычествѣ, какъ видно изъ многого, имѣли священную воду и это доказываютъ многіе свѣдѣніе о брады въ народѣ. У Русскихъ Славянъ выказывается явное водопоклоненіе. Въ житіи князя Константина Мѣромскаго¹²²⁾, говорится, что язычники русскіе приносили треки озерамъ и рѣкамъ, прибивали къ водѣ въ немоирахъ и повергали въ колодези деньги. При переводѣ Григоріа Богослова въ XI. вѣкѣ, переводчикъ счелъ нужнымъ прибавить отъ себя: случается, что иной при-

118) Helm. L. I. c. 1. — 119) Chron. L. I. p. 1. — 120) ibid. 228. L. VII. — 121) Cosmas. III. 197. — 122) Карамз. т. I. пр. 214. стр. 350.

носитъ тревъ на стѣденицѣ, ища дожда и забываа, что дождь идетъ съ неба, а дрѣгой нарицаетъ рѣкѣ богомъ ¹²⁵⁾. Въ церковномъ уставѣ князя Владимира запрещается молиться въ воды ¹²⁴⁾. Купанье въ насъ считается священною частію многихъ сѣверныхъ обрядовъ и народныхъ празднествъ. Въ русскихъ пѣсняхъ вода всегда играетъ важную роль какъ любимый предметъ поезін. И такъ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Славяне въ язычествѣ покланялись водѣ. — Это непременно и должно было быть, ибо во всѣхъ религіяхъ, гдѣ есть идея свѣтопоклоненія, уважалась также вода, какъ второе существо священное. Последователи Зороастра покланялись водѣ, признавали ее священнѣйшею матеріею послѣ свѣта, живымъ сокомъ природы ¹²⁵⁾, совершали священныя омовенія, употребляли при жертвоприношеніяхъ ¹²⁶⁾ и возсылали къ ней каноническія моленія ¹²⁷⁾. Индійцы кланялись водѣ и особенно священномъ Гангесѣ до извѣрства. Египтяне чествовали водѣ подѣ символомъ Изиды, и считали ее за жизненное начало; отъ того соедѣн холодной воды символизовали воскресящую силу Озириса, животворную для мертвыхъ ¹²⁸⁾. Греки имѣли нѣсколько священныхъ источниковъ, признавали въ морѣ чудодѣйственную силу изъавлять

123) Русс. прост. праздн. 1. 23. — 124) Карамз. т. I. пр. 506. стр. 483. — 125) Kleuk. 56. — 126) Der Parser Bürgerl. und Gottendienstl. Gebräuche 209. — 127) Zend - Av. Jescht - Avan. 195 — 199. — 128) Creutz. Symb. I. 347.

человѣка отъ всякаго зла ¹²⁹⁾, употребляли свѣщен-
ное очищеніе ¹³⁰⁾, считали освѣщеніе воды важнѣй-
шимъ актомъ при таинствахъ ¹³¹⁾ и отгадывали по
водѣ будущее ¹³²⁾. Изъ воды родилась Афродита, все-
общая любовь, гармонія. Водное начало символизиро-
вала Діана ¹³³⁾. Я полагаю, не будетъ нѣтъ, ежели мы въ Анастасіи, плещущей на солнце, въ ска-
зкѣ, будемъ видѣть олицетвореніе воды, сдѣланны свѣ-
та—солнца. Брачное соединеніе свѣта съ водою было пер-
вообразомъ творенія, любви во вселенной, жизни въ
природы и полового соединенія тварей. Конечно, имя
Анастасіи не относится къ древности, но собственное
имя этого мифологическаго существа было не одно;
какъ и имя солнца—бога. Оно, однако, осталось намъ
въ нѣкоторыхъ названіяхъ, какъ напр. въ Моранѣ
т. е. Моранѣ или морской. На праздникъ Купала
дѣлаютъ чѣло, называемое Морена, перескакиваютъ
съ нимъ черезъ огонь и топчутъ въ водѣ: это, по
моему мнѣнію, означаетъ бракосочетаніе свѣта
съ водою. Сходное съ этими названіями есть Мар-
жана, ѿ Дабгоша; чѣло, называемое такъ, то-
пили въ Польшѣ весной: обрядъ общеславянскій; до
сихъ поръ онъ существуетъ по русскимъ селамъ. Въ
краловорской рукописи Морена изображается богиней
смерти, низводитъ въ черную ночь души бѣднѣхъ,

129) *ibid.* — III. 334. — 130) *ibid.* — 131) *ibid.* 436. — 132) *ibid.* I. 195.
133) *ibid.* II. 170.

а 8 Длѣгоша Маржана названа Церерою. Она была и
 что и дрѣгое; нбо вода по сущестѣ своемѣ заклю-
 чаетъ начало жизни и начало смерти и разрѣшеніа,
 есть существо оживляющее и 8бикающее; само по себѣ
 холодное и темное, оно призывается къ жизни и пло-
 дородію только огне свѣтомъ. Такъ Діана или Арте-
 мида — кожество доброе, свѣтлое, прекрасное, — а вмѣ-
 стѣ она же Геката — существо мрачное, 8бикающее,
 черное, смертоносное. Слово мара: привидѣніе имѣетъ
 единство съ названіемъ Маржаны, воды въ вредномъ
 моментѣ ея кытіа, и означаетъ несуществоющее,
 кажущееся, образъ безъ существа, противоположное
 мірѣ, оживленномъ свѣтомъ, въ движеніи и дѣятель-
 ности. Въ Кривнѣ существо водное называется и теперь
 миднческими именами Боданъ и Моранъ ¹³⁴⁾. Мо-
кошь 8 Нестора, по моемѣ мнѣнію, также означаетъ
 водное женское существо; окончаніе ошь есть женскаго
 рода, какъ кокошь, а корень слова Мокъ (мокнути,
 смокнути). Такъ дѣлаетъ Колларъ. По Вацерадѣ, море
 почиталось 8 Славянъ кожествомъ, называемымъ Хлпа.
 Но важнѣйшею изъ номинацій женско-воднаго суще-
 ства 8 Славянъ была Дѣконѣа, Дзѣванна и Дана.
 Она происходитъ отъ корня, сохранившагося въ язы-
 кахъ кельтскихъ, гдѣ Дивона значитъ рѣка, и вода;
 но етотъ корень не чѣжда и славянскими народамъ,
 какъ ето показываютъ названія рѣкъ: Двина, Дѣнай,

134) Die Wissensch. des Myth. 292.

Донъ, Днѣпръ (Данаприсъ Дана - стрисъ), и обыкновенный пригѣвъ въ пѣсняхъ обрядныхъ: дана, дана. Какъ вода, начало вецей, вѣчно - прекрасна, вѣчно свѣжа, она была дѣва и вмѣстѣ жена, т. е. сѣпрѣга солнца. Такъ Далгошъ описываетъ ее ¹³⁵. Въ Богеміи и Польшѣ ее называли Дѣвонію или Дзѣвканною, въ Прибалтійской Славянщинѣ Дѣвою и храмъ ея былъ въ городѣ, названномъ Дѣвинъ — градъ, переименованный Нѣмцами въ Магдебѣргъ ¹³⁶), въ Венгріи былъ такойже Дѣвинъ градъ, наименованный отъ богини ¹³⁷, и насъ она, вѣроятно, кромѣ Мокошь, имѣла еще названіе Дана, и просто Дѣва, какъ это показываютъ нѣкоторыя зрочища и названія водъ напр. дѣвьи горы, дѣвичье поле, рѣка дѣвица. Она была совершенно тождественна съ греческою Діаной или Артемидою. Ефесская Діана представляла первоначально существо воды и была поетомъ равнозначительна Изидѣ, принимаемой въ смыслѣ стихіи ¹³⁸). Значеніе Діаны въ смыслѣ лѣны произошло больше отъ вліянія, какое, полагали, имѣетъ лѣна на водѣ: и Славянъ этого значенія она можетъ быть и не имѣла, ибо лѣна = мѣсяцъ изображается и насъ мѣщиною. Но наша Дѣвонія, какъ Маржанна, тождественна съ Гекатон — сѣровою, темною богиней тьмы, холода и небытія. Какъ богиня земная, звѣроловница, греческая богиня имѣетъ съ на-

135) Hist. Polon. p. 36. — 136) Cranz. Hist. eccles. p. 4. — 137) Bel. not. Hung. II. p. 252. — 138) Symb. II. 170.

шею также единство: ибо Далгошх и Вацерадх прямо переводятъ ее Діаною. По свидѣтельствѣ Гримма¹³⁹⁾, въ Лѣжницах до сихъ поръ существуетъ повѣрье о прекрасной дѣвицѣ, которая съ собаками блуждаетъ по лѣсамъ, и поглатъ зѣрей, особенно въ лѣтнія ночи. Сѣвѣры боится зайти въ чащѣ и въ полдень, что бы не увидѣть дѣвицѣ. Такое точно повѣрье мнѣ удалось слышать и въ Россіи; объ этой дѣвицѣ разсказываютъ разные анекдоты, напр. одинъ разъ косари ѡжидали, вдругъ набѣжала на нихъ дѣвица съ собаками, перескочила черезъ огонь, гдѣ варилося кашанье, и перепугала людей и животныхъ.

Такимъ образомъ, мидх о Діанѣ выразился полно у Славянъ; дѣва и жена у Славянъ, Діана тоже и у Грековъ, ибо подъ Діаною разумѣли не только дѣву Артемиду, но и Артемиду — мать, произведшую на свѣтъ люковъ¹⁴⁰⁾. Или лучше сказать, Греки и Римляне почитали Діану въ столь различныхъ мидическихъ исторіяхъ, что окривалося понятіе о нѣсколькихъ Діанахъ¹⁴¹⁾. Первоначальная Ефесская Діана или Артемиды изобразала воду, какъ производительное начало творенія, — почиталась какъ дѣва и вмѣстѣ вселенная мать¹⁴²⁾: эта богиня замѣткова Греками изъ Скидін, вмѣстѣ съ Аполлономъ и Латоною или Иантію изъ страны Гипербореевъ, и уже въ по

139) Deutsch. Mytholog. p. 706. — 140) De Nat. Deor. III. 23. — 141) Funke Lexic. II. 117. — 142) Symb. II. 117.

слѣдствіи греческаѣ поэзіѣ запѣтала и оразнообразила
 простой мидѣ сѣвера. И такѣ котѣ отѣ чего такаѣ
 близость къ нашимъ славянскимъ понатіямъ! И не
 станѣ на етомѣ основывать, чтобѣ Греки замѣсто-
 вали его отѣ Славянъ, но считаю нужнымъ замѣ-
 тить, что слова: Илитѣ, Латона, Аполлонъ, и
 Діана, также созвѣчны съ нашими: Лада, Бѣлый богъ,
 Лель, Дѣвана, сколько сходна исторіѣ етихъ мидо-
 логическихъ существъ ъ Славянъ съ греческою, коль-
 скоро мы, отсѣкла все, выдуманное и прибавленное
 вѣками, бѣдемъ искать первоначальнаго еѣ образа.
 Такѣ преданіе о бѣ Амазонкахъ, помѣрлемыхъ фан-
 тазіею Грековъ ъ береговъ Меотиды и ъ подножіѣ
 Кавказа, родины Діаны, преданіе, связанное съ исто-
 ріею етой богини ¹⁴³⁾, выразилось въ поэтическо-кас-
 нословномъ разсказѣ о войнѣ дѣвицъ съ мѣщинами,
 сохраненномъ въ чешскихъ хроникахъ ¹⁴⁴⁾. — И такѣ, изъ
 такого хаоса наименованій, подѣ которыми разѣмѣли
 обыкновенно нѣсколькихъ отдѣльныхъ боговъ, съ при-
 бавкою вымышленныхъ, о именахъ которыхъ Славяне
 язычники не слышали, выходитѣ, что Славяне
 признавали единаго Бога — Вседержителя, Творца и
 Отца твореніѣ, который своею премудрою всемо-
 рною любовію — Ладю создалъ первоначально бытіе.
 Это бытіе заключало въ себѣ противоположность мѣ-
 жеской и женской природы: перѣла выразилась сѣ-

143) Symb. II. 112 161. — 144) Cosmas p. 21. — Kron. czeška 29.

томъ, дѣхомъ, которая — матерією, водною жидкостію:
 чрезъ гармоническое соединеніе этихъ существъ обра-
 зовалось невидимое и видимое. Это вѣрованіе выра-
 зилось въ мидѣ о двѣхъ пеласгическихъ Клеирахъ¹⁴⁵⁾.
 Свѣтъ — Дѣхъ, истекающій отъ Бога, есть образъ вы-
 чайшаго существа, сына божества и потому достоинъ
 поклоненія. И такъ — какъ это существо выказываетъ
 свое творчество, свою мудрость въ міроправленіи, вос-
 принятію отъ Бога, въ разнообразіи явленій міра дѣ-
 ховнаго и физическаго, то и поклоненіе ему было
 подъ разными видами. Свантовитъ, Радегастъ, Три-
 главъ, Скарожичъ, Гѣровитъ, Рѣневитъ, Порекитъ,
 Поренѣтъ, Перѣтъ, Гѣсный, Живый, Ладъ, Дель,
 Длждь-Богъ, Бѣлъ-богъ, Хоръ, Прове — все это не бо-
 лѣе какъ наименованія одного и того же существа свѣ-
 тоносно — дѣховнаго, сына божія. Не смотря на раз-
 личіа въ изображеніяхъ, сопряженныхъ съ названіями,
 отличія которыхъ означаютъ только разные стороны
 явленія существа, славянская мидологія еще не впала
 въ политеизмъ; каждое наименованіе божества не сое-
 динялось исключительно съ однимъ какимъ — нибудь
 его качествомъ, такъ чтокъ не касалось другого; на-
 противъ каждое вполне выражало все, что божеству
 приписывалось. Всѣ эти такъ называемые боги зна-
 чили одно и то же; ко всякомъ прибѣгали съ моле-
 ніями о счастіи; и всякаго искали отвѣта небесной мѣ-

145) Symb. II. 306.

дрости; предъ всѣми совершался гаданіа, и приносился одинакъ жертвы; всѣй былъ покровителемъ плодородіа, общественнаго и семейнаго счастья и войны; оттого, всѣй 8 писателей, незнавшихъ смысла религій, но попадавшихъ кстати на 8гадъ, былъ божествомъ высочайшимъ, главнѣйшимъ, въ то время, когда ети же сами писатели сознаются, что Славяне признавали единого Бога.

Противоположное етому существу свѣтломъ, животворномъ, добромъ, было мрачное, смертоносное, злобное, которое, по сказанію Гельмольда, называлось Чернокогомъ¹⁴⁶, откуда происходитъ названіе чортъ. Въ *Mater verborum* Вацерада онъ названъ врагъ. Гельмольдъ говоритъ, что онъ назывался еще по славянски дьяволъ¹⁴⁷). Дѣйствительно, 8 Славянъ было существо злое, называвшееся Дикъ, имя столь созвучное съ Диками Зендскаго ученія. Такъ въ Словѣ о Полкѣ Игоря говорится: дикъ кланчетъ верхъ древа и тѣмъ выражается предвѣщаніе опасности, а въ другомъ мѣстѣ нахѣгъ Половцевъ и бѣдствіе, постигшее южнѣю Русь, выражено: дикъ вержеся на землю. Нигдѣ не сказано явно, было ли это существо начало зла, или падшій ангелъ; но, не видя никакихъ слѣдовъ дѣализма въ славянскихъ понатіяхъ, не находя его вообще на свѣтѣ, сомнѣвался въ существованіи его и въ Персїи, и полагалъ на то, что Славяне

146) Chron. Slavor. 125. — 147) ibid.

признавали единый верховный источник жизни, заключаю, что чортъ славянской былъ такой же сократившійся ангелъ, какъ и Локи Скандинавовъ. На истуканѣ, найденномъ Колларомъ въ Бамбергѣ, онъ представленъ, по толкованію ученыхъ, львомъ (хотя странно, почему левъ могъ быть извѣстенъ Славянамъ: можетъ быть это собака, а не левъ). Народная фантазія представляетъ его въ видѣ змѣи. Такъ какъ въ сказкахъ носящихъ явственный отпечатокъ древности, злое начало преимущественно являе-
тся въ видѣ змѣи, то, вѣроятно, змѣиный образъ былъ издревле символомъ злого существа. Этотъ змѣй представляется въ народной фантазіи темнымъ, но испускающимъ искры: — вѣроятно, и Славянъ было — понятіе о двухъ огняхъ: одинъ былъ животворный, неразлучный со свѣтомъ; другой разрушительный, порожденный изъ тмы. Можетъ быть это то разрушительный огонь символизировался въ капищѣ Нѣмъ въ Гнѣзнѣ, какъ говоритъ Далъгошъ, называлъ этого Нѣмъ Платономъ.

Съ этимъ виновникомъ зла борется начало свѣта, истины и добра, и въ такомъ бореніи проявляется жизнь въ природѣ физической и нравственной. Въ природѣ физической борьба выражается противоположностію жизни и смерти существа и противоположностію годовыхъ временъ: лѣта и зимы. Природа растетъ, цвѣтетъ и оплодотворяется — это царство Свантовита; природа мерзнетъ, явленія погибаютъ:

это власть противнаго начала. Свѣтъ и теплота представляются въ борьбѣ съ тьмою и холодомъ. Тоже и въ мірѣ нравственномъ: добро въ человѣческомъ мірѣ борется со зломъ. Божество свѣта дѣховнаго, истинны и блага, является между родомъ человѣческимъ, принимаетъ человѣческій образъ, набогаетъ смертный родъ истинѣ, борется со врагомъ, недопѣскающимъ человека къ блаженствѣ, побѣждается, а наконецъ возстаетъ и торжествуетъ. Такой принципъ составляетъ дѣшъ почти всѣхъ вѣрованій человѣческихъ. — Въ Зенд - Авестѣ начало свѣта, Ормѣзда, борется съ Агриманомъ, идеаломъ тьмы и зла, побѣждается его, употребляетъ мирныя средства къ его обращенію, но Агриманъ споритъ; Ормѣзда заключаетъ его въ тюрьму, — Агриманъ освобождается, искѣшаетъ человека, одолеваетъ Ормѣзда; начинается попеременное царство добра и зла; наконецъ, приходитъ Создатель, сынъ дѣвы, воплощенное дѣховно - свѣтоносное существо, побѣждаетъ Агримана, воскрешаетъ мертвыхъ, творитъ новое небо и новую землю, сдѣлываетъ міръ и воцаряется торжество добра и истинны на вѣки ¹⁴⁸⁾. — Въ индійскомъ ученіи богъ - Вишну, символъ свѣта, воплощается на землѣ нѣсколько разъ и послѣднее воплощеніе будетъ вѣчное торжество. Въ египетской мидологій Озирисъ, высочайшій свѣтъ, первообразъ годичныхъ перемѣнъ и человѣческой мѣ-

148) Kleuk. 1 — 23. Rauschn. 29. — 149) Bun. Degesch. 19. 30. 31. 34. 113.

дрости, приходитъ въ видѣ челоуѣка на землю, оказывается родъ челоуѣческомъ благодѣланію, потомъ, передъ возвратомъ на небо, ѡбитъ Тифономъ, одпадшимъ отъ добра своимъ братомъ, погребенъ, а потомъ возвращается къ жизни ¹⁵⁰⁾: онъ остается въ почитаніи народа, какъ воплощенное, страдавшее и торжествующее божество ¹⁵¹. Египтяне праздновали это событіе ежегодно весной съ большимъ торжествомъ: оно начиналось плачемъ и оканчивалось радостію ¹⁵²⁾, исторія выражала обрѣтеніе Изидой Озириса; при этомъ драматически представлялось ѡбїеніе и погребеніе божества ¹⁵³⁾. Тоже понятіе выразилось и въ мидической исторіи Гома — Геракла, который сожженъ пламенемъ и возвратился въ небесное жилище ¹⁵⁴, — у Грековъ, ѡ которыхъ смѣшались и переобразились разнородныя вѣрованія всѣхъ частей свѣта, эта идея о воплощеніи, страданіи, и торжествѣ свѣтоноснаго существа выразилась въ нѣсколькихъ лицахъ. Униженное странствованіе на землѣ высшаго лица изображается въ исторіи Аполлона, который, для очищенія, пасетъ стада, а потомъ возвращается въ свѣтлое жилище ¹⁵⁵. Эта идея представляется полнѣе въ мидѣ Діонисіа ¹⁵⁶, воплощенного солнца, души міра, освободителя, просвѣтителя и ѡтѣшителя рода смертныхъ, плодотворнаго дѣха, героя добра и свѣта, —

150) Rausch. 46. Symb. III. 358. I. 283. 238. 346. — 151) ibid. I. 297. —

152) ibid. I. 248. — 153) Русс. прост. праздн. 4. — 154) Symb. II.

236. — 155) Funke Lex. I. 260. — 156) Symb. III. 100. 513.

онъ странствуя на землѣ, научалъ людей, побѣждалъ зло, и былъ ѡбитъ, а потомъ содѣлался правителемъ міра. Ёго окончательное торжество выражалось различно въ мидологїи: по однимъ символамъ его найденныя дѣтородныя части остаются какъ бы залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ ¹⁵⁷⁾; по другимъ, онъ, подъ именемъ Загрекса, былъ ѡмерцѣленъ Титанами, но Минерва принесла еще теплое сердце къ Зевсу и тотъ создалъ изъ него новаго Діонисіа ¹⁵⁸⁾. Тотъ же мидъ заключается и въ исторїи Геракла, который странствуетъ по землѣ съ чудесными геройствами, снисходитъ въ адъ, ѡбитъ, а потомъ принятъ въ рядъ боговъ на небо, гдѣ сочетается съ вѣчно-прекрасною Гекю ¹⁵⁹⁾ и прообразуетъ въ природѣ солнечный годъ ¹⁶⁰⁾. — Но ленте всего эта идея выразилась ѡ Грековъ и на Востокѣ въ почитанїи Адониса, который, по толкованїю Макрокїа, означалъ солнце ѡ восточныхъ народовъ ¹⁶¹⁾. Праздникъ Адониса торжествовали Греки весной два дни: въ первый день носили изображенїе Адониса, пѣли ѡнымыя пѣсни, играли печально на флейтахъ и приносили погребальную жертву: катедра ¹⁶²⁾. Въ Александрїи тогда дѣлали подобїе мертваго человека, несли на носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. ¹⁶³⁾. Тоже праздновалось ѡ Финикїанъ, о чемъ говоритъ

157) *ibid.* II. 303. — 158) *ibid.* III. 352. — 159) *Funke Lex.* II. 836. — 160) *Symb.* IV. 26. — 161) *Macrobi.* I. c. 21. — 162) *Funke. adonia.* T. I. 40. — 163) *Symb.* II. 95.

пророкъ Іезикїиль упоминалъ о женщинахъ, плачущихъ по Адамѣ¹⁶⁴⁾. Это празднество совершалось въ Вавлонѣ, Антіохїи, Вавлонѣ и, наконецъ, въ Персїи, гдѣ Адонисъ назывался Якобасъ¹⁶⁵⁾. Вездѣ оно раздѣлялось на двѣ половины: въ первой плакали и погребали Адониса; вторая называлась торжествомъ воскресенїа или обрѣтенїа Адониса и сопровождалась шумно-веселыми восклицанїями и оргїями. Адонисъ знаменовалъ солнце. Его смерть означала зиму, которая изображалась въ образѣ вепря, поразишаго Адониса; его воскресенїе — весну¹⁶⁶⁾. — У Римлянъ весною праздновали такимъ же образомъ смерть и погребенїе Адониса, а потомъ возвращенїе его къ жизни¹⁶⁷⁾. У Скандинавовъ этотъ мифъ выразился въ поэтической исторїи Балдуръ. Балдуръ — символъ солнца, Аполлонъ сѣверный, сынъ Фриггъ, былъ непобѣдимъ, прекраснѣе всѣхъ боговъ, и всѣхъ страшнѣе для злого Локи. Локи, однако, хитростїю нашелъ способъ убить его. Всѣ боги жалѣли о Балдурѣ и послали къ подземной Гелѣ просить его возвращенїа. Гела отвѣчала, что это можетъ быть только тогда, когда вся тварь объ немъ заплачетъ. Дѣйствительно, всѣ существа заплакали о Балдурѣ, но Локи превратился въ старуху и низачто не хотѣлъ пожалѣть объ немъ¹⁶⁸⁾. Отъ этого, Балдуръ оста-

164) Symb. VIII. 14. — 165) Funke ibid. — 166) Symb. II. 101. — 167) ibid. IV. 31—32. — 168) Rauschn. 387.

са въ подземномъ мірѣ; но, при концѣ міра, онъ воскреснетъ, порази́тъ Лока и возродитъ новѣю землю; тогда настанетъ торжество правды ¹⁶⁹⁾. У Славянъ существовало такое же понятіе. — И теперь, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при началѣ весны, въ другихъ въ Іюнѣ (точно такъ и Ідониса праздновали то въ Мартѣ, то въ Іюнѣ), — выражается въ народныхъ обрадахъ уже неженое вѣробаніе. Дѣлаютъ чучело, называемое въ Украинѣ на смѣшанно Кострѣбонькомъ, кладутъ на землѣ, поютъ надъ нимъ печальныя пѣсни, потомъ погребаютъ, и всегда кончаютъ обрядъ веселыми пѣснями и шумною радостью. Въ иныхъ мѣстахъ это чучело, послѣ обряда, несутъ съ торжествомъ, увитое цвѣтами и лентами, и топятъ въ водѣ, какъ топили чучело Ідониса въ Александріи, по свидѣтельству Теокрита ¹⁷⁰⁾; это означаетъ окончательное торжество: бракосочетаніе свѣта съ водою.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ — лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣяніе, страданіе и торжество. Эта идея выказалась и въ воплощеніяхъ Вишнѣ, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіамѣ, и въ Бальдурѣ, и въ нашемъ

169) Dahlm. Gesch. v. Dan. I. 35. — 170) Theocr. XV.

языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ
однимъ значеніемъ. Гельмольдъ ¹⁷¹⁾ говоритъ, что
Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и
погнѣхъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божес-
твомъ. Вѣрно Славяне вѣрили въ его воскресеніе или
переходъ въ высшю жизнь какъ сщiества вмѣстѣ
божественнаго и человѣческаго, ибо Скандинавъ, по ихъ
понятію, вѣднѣхъ на конѣ своемъ и сражался съ
врагами. Мы навѣрное знаемъ, что, по понятію
языческихъ Славянъ, богъ могъ являться людямъ ¹⁷²⁾
въ человѣческомъ образѣ, въ бѣлой свѣтоносной
одеждѣ, символомъ которой было священное облаче-
ніе жрецовъ при богослуженіи. Въ этомъ же понятіи
о временномъ побѣжденіи свѣта тьмою и о послѣдую-
щемъ его торжествѣ относителъ свѣтлрїе о снѣденіи
солнца: наши предки, еще неоскокодичиіеся отъ пред-
разсѣдковъ, дѣмали, что змѣй съѣдаетъ солнце, а
потомъ, оно опять воскресаетъ и побѣждаетъ врага:
такъ толковали затмѣніе невѣгласы, какъ называютъ
нашъ народъ недокольные дѣтописцы.

Ѣта идея воплощенія, страданія и торжества
божественнаго сщiества на землѣ была чудеснымъ
предчѣсткіемъ пришествія Сына Божіа, солнца правды,
свѣта истины, и слѣжитъ величайшимъ историческимъ
подтвержденіемъ истины нашего Св. Писанія. Ёто
была идея, вложенная Творцемъ въ родъ человѣческій:

171) Chron. Slav. — 172) Vita S. Ott. 408.

челоѡѡкъ какѡю бы религію ни создалъ себѣ, непремѣн-
 но долженъ былъ проявить въ ней то начало, съ
 которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ
 него мысль о вочелоѡченіи Божества было бы столь
 же трудно, какъ истрекнуть вѣръ въ свою дѡшѡ. Ко-
 варныѡ дѡмы не разъ уже хотѣли доказывать подлож-
 ность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ
 вѣрованіемъ народовъ, не разъ уже указывали и на
 Созіаша, и на Іадониса, и на Іаполлона, какъ на
 первообразы Богочелоѡка; но все ихъ указаніѡ мо-
 гѡтъ служить только большимъ подтвержденіемъ и
 дѡкрѣпленіемъ того, что хотѡтъ испровергнуть. Во
 всехъ мидологіѡхъ, какъ бы они ни были извращены
 челоѡѡческимъ мѡдрованіемъ и фантазією, скрываются
 истины, въ глубочайшей древности дѣтства челоѡѡче-
 ства открытыя свыше. Хотя Евреи сохранили ихъ
 въ чистѣйшемъ видѣ, но и другіѡ народы не потеряли
 ихъ совершенно, ибо все, по премѡдромѡ предначерта-
 нію Провидѣніѡ, должны были содѣлаться участника-
 ми спасеніѡ. За всехъ дѡмеръ Христосъ, и потомѡ
 былъ чуждѡмъ всехъ ѡзыковъ. Въ вѡждѡющихъ об-
 разахъ народы искали его; Онъ, по словамъ Св. Пи-
 саніѡ, въ мѡрѣ былъ, но мѡръ его не познавалъ,
 и когда нашлись тѣ, которые познали его, когда,
 подобно закѡсѣ, раздранной въ храмѣ въ минѡтѡ
 его кончины, пали передъ свѣтомъ его темныѡ при-
 зраки и символы, Церковь его стоитъ на такомъ

твёрдомъ камнѣ женой для всѣхъ истины, что бра-
та лодки не сдвинутъ ее во вѣки.

Вся вселенная, оживотворенная огнесвѣтомъ,
дѣломъ красоты, гармоніи и разума, сыномъ красной
любви — Лады, великимъ Ладомъ, Бѣлымъ добрымъ
Богомъ, святымъ вѣтяземъ, другимъ человекомъ, со-
единеннымъ плодотворною любовью съ прекрасною
Дѣвою, есть сцена борьбы его съ мрачнымъ Черно-
богомъ. Все на землѣ оживлено дѣлами, которые
помогаютъ или добромъ или зломъ началъ. Объ этомъ
говоритъ жено Гельмольдъ. Какъ нравственными свой-
ствами человека, такъ и физическими предметамъ
Славяне придавали дѣловъ: одни были добрые, другіе
были падшіе. Это совершенно сходно съ ученіемъ
Зенд-Авесты объ Йзедахъ. У Славянъ они носили
названіе боговъ вѣтранныхъ, водныхъ, лѣсныхъ,
полевыхъ и земныхъ ¹⁷³⁾.

Солнце, мѣсяцъ, звѣзды и всѣ небесныя явленія
изображались олицетворенными. Мѣсяцъ былъ сдвѣтъ
звѣзды, его спутницы: въ свадебныхъ нашихъ пѣ-
сняхъ застакаютъ добрый мѣсяцъ призывать любез-
ную свою звѣзду взойти разомъ, освѣтить поле и
море, обрадовать звѣрей въ лѣсѣ и пѣтника въ до-
рогѣ. Въ созвѣздіи медвѣдницы, народъ видитъ коней,
вѣроятно, Скандинавскихъ. Черная собачка, олицетвореніе
Черногобога, каждую ночь хочетъ перегрызть сдвѣтъ,

173) Kron. Czeska.

чтобъ разрѣшить весь организмъ твореніа, но не успѣ-
 ваетъ. потомъ—что передъ разсвѣтомъ повѣжитъ
 пить къ стѣдѣнцѣ, а тѣмъ временемъ испражнѣ-
 ется. Въ созвѣздіи Оріона земледѣльцы видятъ
 пашу, символъ гражданственности, который, по ста-
 ринномъ скандскомъ понятію, спалъ съ неба. Радуга
 есть блестящее коромысло, которыми царица небес-
 сна — прежде Жива — Лада, а теперь Матерь истиннаго
 Свѣта — почерпаетъ изъ скатаго всемірнаго стѣдѣнца
 животворную воду и орошаетъ поля. Громъ пронохо-
 дитъ отъ Громовника, превращеннаго изъ Перуна въ
 Св. Ілію. Водухъ Славяне олицетворяли подъ име-
 немъ духа Погоды или Догоды ¹⁷⁴⁾; вѣтеръ счита-
 ли за духъ, вѣнцій отъ козешка, называли его
 Стрикомъ ¹⁷⁵⁾ и Похвистомъ ¹⁷⁶⁾: — этотъ демонъ
 готовъ сдѣлать столько же добра, сколько и вреда
 людямъ, не отъ злобы, а отъ юношескаго своенолія.
 Дурной вѣтеръ назывался вихоръ и проносился отъ
 Чернобога. Онъ носитъ еще названіе Кълаа ¹⁷⁷⁾. Онъ
 могъ ослабить человека и раздѣть его; и много со-
 хранилось преданій до сихъ поръ о порчѣ людей по-
 средствомъ дурного вѣтра. Огненные метеоры были
 также злыми явленіями и назывались змѣями и
 смоками. Падающія звѣзды почитались душами — феру-
 анами людей и паденіе означало смерть.

Вода была населена существами, служившими
 то добромъ, то зломъ началъ: хотя вода была сама

174) Dlug. Histor. Pol. I. 37. — Helm. Chr. Slav. c. 84. — 175) Сл. о
 пол. Игор. — 176) Dlug. ibid. — 177) Сахар. Рус. чернок. 37.

себѣ ската, но злое сѣщество посылаетъ въ нее своихъ клекретовъ для отравленія счастія людскаго. Впрочемъ, въ настоящее время трудно узнать, что принадлежало прежде Лааѣ, а что Чернобогѣ; по большей части всѣ такіа сѣщества представляются опасными для человека; но это произошло уже послѣ принятія Христіанства, когда учителя вѣры изображали ложныя божества бѣсами; — несмотря на то, и теперь сквозь замаскированное понятіе прорывается прежнее.

Въ сѣществахъ, населяющихъ воды, принадлежатъ, во первыхъ, Русалки. Какъ много значили эти сѣщества у Славянъ, видно изъ того, что всегда сохранялась не только память объ нихъ, но даже вѣра въ ихъ существованіе; и самыя сѣровыя лѣтописцы принуждены бывали называть русальною недѣлю время, опредѣленное для празднованія этимъ нимфамъ. Корень слова Русалка находится въ языкѣ кельтскомъ, гдѣ Русъ значитъ вода; но какъ иское-но было это слово у насъ, видно изъ множества названій рѣкъ, напр. Руса въ Новгородской губерніи, Россъ, впадающая въ Нарву, Росъ въ Кіевской губерніи, Русловка въ Полтавской; да наконецъ въ нашемъ языкѣ есть слово русло, означающее средину рѣки¹⁷⁸⁾. Русалка значитъ обитательница русла — воды. Это тѣ самыя нимфы, о которыхъ упоминаетъ Прокпій. Жива постоянно въ водѣ, на праздникахъ Лады

178) Русс. прост. праздн. Т. 3. — Dzieje nar. Litewsk. I. 775.

весною, когда вся природа праздновала воскресение и возвратъ Іудониса-Скандовита, они выходили изъ воды и отправляли хоробы на лѣсахъ, въ лѣсахъ и на нивахъ. Пынѣшніа повѣрья изображаютъ ихъ сѣществами своевольными, шутливыми: онѣ качаются по деревьямъ, чешутся при свѣтѣ лѣны; но иногда нападаютъ на людей и зацековываютъ ихъ до смерти: это, однако, происходитъ болѣе отъ шалости. Русалки сѣщества легкіа, почти безтѣлесныа, ни добрыа, ни злыа; онѣ какъ будто воплощенныа въ человѣческомъ образѣ предметы физическаго міра, но при человѣческой фигурѣ сохранили и безсознательность и безразличность матерій. Имъ приносили жертвы: объ этомъ говорятъ Прокопій и Козьма Пражскій; ъ насъ, до позднѣйшаго времени, сохранился обычай раскидывать полотенца по деревьямъ на рѣбашки русалкамъ, а въ Украинѣ кладутъ горячій хлѣбъ по окнамъ, дѣлая, что паромъ отъ него питаются русалки. Онѣ вѣроятно, были сопѣтницы Дѣвокѣ, и потому изображаются какъ сѣщества земнокодныа; ибо народныа сѣскѣрія помѣщаютъ ихъ по поламъ и лѣсамъ подъ именемъ Мавокъ. Къ такимъ же принадлежатъ морскіа панны. Къ злымъ воднымъ сѣществамъ причислялись топѣльцы и ъхехоли или сирены ъ Чеховъ, ъ Рускихъ водныа и болотныа, которые перевертыкаютъ лодки, заманиваютъ людей въ погнбелъ, разрыкаютъ плотины, ломаютъ мельницы. Бо-

ЛОТО ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ЖИЛИЩЕМЪ СЪЩЕСТВЪ ЗЛЫХЪ, А
ЧИСТАЯ ВОДА ДОБРЫХЪ.

КЪ СЪХОПЪТНЫМЪ ФАНТАСТИЧЕСКИМЪ СЪЩЕСТВАМЪ
ПРИНАДЛЕЖАЛИ БИЛЫ, О КОТОРЫХЪ ПОВѢРЬЯ ОСТАЛИСЯ У
СЕРБОВЪ. БИЛА ИЗОБРАЖАЕТСЯ ПРЕКРАСНОЮ ДѢВОЮ, НО
ВМѢСТѢ ВОИНСТВЕННОЮ. ОНѢ ЧАСТО ДѢЛАЮТЪ ЗЛО ЛЮДЯМЪ,
УМНОЖИВАЮТСЯ КРОВАВЫМИ ЖЕРТВАМИ, КАКЪ ЕТО ВИ-
ДНО ИЗЪ ПРЕКРАСНОЙ ПѢСНИ О ЗИДАНЬѢ СКАДРА НА
БОЖНѢ ¹⁷⁹⁾ ЗАКЛЮЧАЮТЪ СЯ ГЕРОЯМИ ПОБРАТИМСТВО И
ПОМОГАЮТЪ ИМЪ НА ВОЙНАХЪ. ЕТО АМАЗОНКИ СОПЪТ-
НИЦЫ АРТЕМИДЫ. У ЧЕХОВЪ ПОДОБНЫЯ ДѢВЫ НАЗЫВАЮТСЯ
ПОЛЪДНИЦАМИ. ВЪ РОССИИ, ПО СКАНДИНАВЬСКИМЪ ГЕРКЕР-
ШТЕЙНА, ВЪРИЛИ ВЪСТАРИНЪ КЪ КАКИХЪ-ТО ПОЛЪДЕННЫХЪ
ДЪХОВЪ, О КОТОРЫХЪ СОХРАНИЛОСЯ ПРЕДАНІЕ КЪ ЗАГОВО-
РАХЪ. СОХРАНИЛОСЯ НА РУСИ ТАКЖЕ ТЕМНОЕ ПРЕДАНІЕ О
КАКИХЪ-ТО ДѢВКАХЪ ПРОСТОВОЛОСЫХЪ ¹⁸⁰⁾.

КЪ ЛѢСНЫМЪ БОГАМЪ ПРИНАДЛЕЖАТЪ СКАТИБОРЪ, ЛѢ-
ШІЕ У РУССКИХЪ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫЕ ОДНОГЛАЗЫМИ, И ВЕЛИ-
КАНЫ ВЫРВНДЪБЫ. ЛѢСА БЫЛИ У АЗЫЧНИКОВЪ НАШИХЪ
ПРЕДМЕТАМИ ОСОБЕННОГО ПОКЛОНЕНІЯ, ИБО ВСѢ СВѢТО-
ПОКЛОННИКИ ЧЕСТВОВАЛИ РАСТЕНІЯМЪ, КАКЪ ПРОЯВЛЕНІЕ ЕЖЕ-
ГОДНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СВѢТОНОСНАГО НАЧАЛА. ТАКЪ ДІО-
НИСІЙ БЫЛЪ ВМѢСТѢ БОГЪ ЦВѢТОВЪ И ТРАВЪ. ВЪ ПЕР-
СІИ СЯ ОСОБЕННЫМЪ БЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОЧИТАЛИ ЛѢСА.
РЕЛИГІЯ ЗЕНДСКАЯ ЗАКЛЮЧАЛА УЧЕНІЕ О СВЯЩЕННОМЪ ДЕ-
РЕВѢ ЖИЗНИ, НАЗЫВАЕМОМЪ ГОМЪ ¹⁸¹⁾. ЕТО ДЕРЕВО

это сохранилось в Библии и предостерегает от зла

179) Нар. сербск. пѣсн. II. 10—20.—180) Сказ. русс. нар. 18.—181) Zend-
Av. III. th. 206.

играетъ тамъ важнѣю роль при сотвореніи міра, не-
чаесть живѣю (живѣиѣю - цѣлюиѣю ѿ Славянъ) кодѣ¹⁸²⁾,
а Бѣн-Дегешъ признаетъ его необходимымъ къ вели-
комъ актѣ воскресенія¹⁸³⁾. Что-то подобное было
и ѿ Славянъ, ибо въ пѣснѣ, гдѣ описывается чѣ-
десное сотвореніе міра, говорится, что прежде чѣмъ
создана была земля и небо, стояли дѣа дѣва посреди
первоначальной жидкой массы. Такое дерево ѿ Сканди-
навовъ называется Мгдразиль, или всемірное дерево:
тѣда сходились боги для совѣта о созданіи міра¹⁸⁴⁾.
О поклоненіи Славянъ деревьямъ мы имѣемъ много
чисто-историческіхъ свидѣтельствъ. Прокопій говоритъ,
что Славяне имѣли священныя роци и покланялись
старымъ деревьямъ. Въ Штеттинѣ росъ большой
бѣтвістый дѣвъ надъ источникомъ: еяотъ дѣвъ
считался жилищемъ козества¹⁸⁵⁾. Священныя роци
замѣняли храмы, и одна изъ такихъ роцъ описана
Гельмольдомъ¹⁸⁶⁾. Изъ Врлодворской рукописи мы
узнаемъ, что ѿ Чеховъ были заповѣдныя роци, гдѣ
находились иступканы, и самыя деревья почитались
священными. Йбнъ-Фоцланъ передаетъ извѣстіе о по-
клоненіи Руссовъ деревьямъ, которое доходило до
грубаго фетишизма. Константинъ Порфирородный го-
воритъ, что Руссы приносили жертвы подъ деревьями.
Въ житіи Князя Константина говорится, что Рус-
скіе язычники покланялись дѣплистымъ деревьямъ,

182) Kleuk. 56. — 183) Bun-Dehesch. 105. — 184) Rauschn. 377. — 185)
Vita S. Ott. 403. — 186) Chr. Slav. L. II. 83.

обвѣшивая ихъ върѣсами¹⁸⁷⁾. Въ Уставѣ князя Влади-
мѣра запрещается молиться въ роіцѣхъ¹⁸⁸⁾. Судя по остат-
камъ нашей мидологїи въ пѣсняхъ, кажется, въ ред-
каго народа была такъ оживлена и осимболизирована
растительная природа: деревья и травы часто гово-
рятъ и междѣ собою, и съ птицами, и людьми, и
имѣютъ символическое примѣненіе къ человѣку. Здѣсь
некстати излагать символикѣ народной: предосталяет-
ся таковой трудъ этнографамъ и археологамъ.

Славяне почитали священными деревьями дубы,
особенно старые; асень, какъ должно думать, былъ
посвященъ Первнѣ что показываетъ сходство этого
слова съ наименованіемъ божества въ Далгоша¹⁸⁹⁾. Кленъ
и липа символизировались, — какъ видно изъ пѣсень, —
брачною четой; кленъ заключалъ въ секѣ таинствен-
ную благодѣтельную силу; это дерево употребляется
особенно во время народныхъ празднествъ въ Великой
Россїи. Кленовый листъ имѣлъ магическое цѣлительное
свойство. Подъ липами совершались жертвоприноше-
нія. Орѣшникъ, посвященный Оттоновѣ жизне-
описателю, былъ также священное дерево. Береза симво-
лизировала чистѣю мать природѣ. Что касается до травъ,
то хотя многія теперь въ народѣ имѣютъ то симво-
лическое, то чародейственное значеніе, однако трудно
узнать какія изъ нихъ что значали въ язычествѣ.

187) Карамз. Т. I. пр. 216. стр. 351. — 188) Тамже пр. 1. 483. —

189) Hist. pol. N.

Птицы у Славян имѣютъ символическія значенія. Преимущественно же мидологическія понятія соединились съ кукучкою, голубами, ласточками и коронами. — Кукучка изображается провозвѣстницею вѣдущаго, съ таинственными смыслами. Въ одной украинской пѣснѣ говорится, что надъ сивѣ зѣзѣленькѣ на свѣтѣ нема. Это объясняется сказаніемъ Прокоша, что къ сѣмъ птицѣ превращается Живый. — Голубь у вѣхъ Славянъ символъ любви и потомѣ, то въ одной карпатской пѣснѣ приписывается сотвореніе міра двѣмъ голубамъ, т. е. мужескомѣ и женскомѣ перкосѣиствѣ. Такое понятіе есть общемидологическое, ибо голуби, по сирійской мидології, высидали янцо, изъ котораго образовалась богиня Деркетто-Афродита¹⁹⁰⁾. Такъ въ греческой мидології начало додонскаго прорицалища приписывается прилетѣвшимъ тѣмъ двѣмъ голубамъ¹⁹¹⁾, и съ тѣхъ поръ голуби служили при храмѣ символами жизни, питанія и цѣломудрія. — Ласточка у древнихъ Славянъ принимала большое участіе въ судьбѣ человека. Такъ въ Любѣшиномъ сѣдѣ ласточка подлетѣла знакъ сестрѣ Кленовичей о сорѣ ея вретѣевъ. Вороны (крагѣи) у Чеховъ были священными птицами; никто не смѣлъ пугать ихъ въ лѣсѣ, а Забой считался величайшею окндою для своихъ боговъ, когда Христїане выгнали изъ лѣсовъ крагѣевъ. Сова, кажется, была символомъ

190) Symb. 11. 65. — 191) ibid. 163.

смерти и тьмы: когда душа вылетала изъ тѣла, то всѣ птицы перепугались, не испугались однѣ совы. Но кромѣ этихъ птицъ, Славяне многимъ другимъ приписывали даръ прорицанія. Птицеколованіе было распространено и всѣхъ народовъ нашего племени. Въ Великой — Россіи особеннѣе снѣ имѣетъ ворожба посредствомъ черной кѣрицы ¹⁹²⁾, что сходно съ гаданьями авгуровъ и конечно относится къ языческому міру.

Изъ четвероногихъ священными у Славянъ были волъ и конь. Изображеніе бычачьей головы на цинтѣ Радегаста относится къ свѣтопоклонической идее Персовъ и Египтянъ; быкъ былъ символомъ плодотворенія, и потомъ въ Зенд-Авестѣ первое существъ, изъ котораго образовались твари, изображается быкомъ ¹⁹³⁾. Въ Египтѣ быкъ означалъ живительнѣе снѣ солнца. Въ Греціи быкъ изображалъ Бахуса, принимаемаго въ значеніи солнца ¹⁹⁴⁾. Какъ почитали Славяне коня, видно изъ описаній богослуженія Свантовита и Радегаста: гаданье посредствомъ коня осталось до сихъ поръ и насъ. Въ общемидологической системѣ конь представлялся животнымъ, неразлучнымъ съ быкомъ ¹⁹⁵⁾. Въ Зенд-Авестѣ конь животное солнца и Коршндъ (одно изъ наименованій солнца) представляется на коняхъ ¹⁹⁶⁾. Тоже приписывалось Аполлону, какъ

192) Русс. Чернокн. 65. — 193) Zend-Avesta I. th. 254—257. — 194) Symb. IV 258. III. 104. — 195) Symb. IV 380. — 196) Kleuk. 18.

солнцѣ. Священными насекомыми почитались пчелы. По русским сѣвѣріямъ пчелы произошли изъ лошади, заѣзженной водными, и найдены въ рѣкѣ¹⁹⁷⁾; что нѣсколько указываетъ на зендскаго быка, убитаго Ариманомъ. Въ Греціи пчелы считались сопутницами Артемиды, также были посвящены Церерѣ и служили памятниками и символомъ золотого вѣка¹⁹⁸⁾. Медъ у Славянъ считался священнымъ какъ и у греческихъ язычниковъ: онъ приносился въ жертву богамъ и употреблялся на трапезахъ.

Землю Славяне населяли существами добрыми и злыми. Къ добрымъ принадлежатъ дѣдѣшка, который посылается на мѣстахъ, гдѣ скрыты сокровища, и отъ прикосновенія разсыпается, давая знать человеку о богатствѣ. Скрытки у Богемцевъ—пигмен,—кажется, были существа ни добрыя и ни злыя; такъ въ Россіи вѣрятъ въ котигорошекъ, мѣжичекъ съ ноготокъ—борода съ локотокъ и т. под. Были подземные злые дѣхи у Славянъ, у Богемцевъ назывались они Стриги¹⁹⁹⁾. Воины призывали ихъ на помощь противъ враговъ и они имѣли силу остано- вить лошадь непріятеля; отъ этого отдѣлялись тѣмъ, что чертили саблею крестъ на землѣ между ногами лошади: этимъ разрывали невидимыя узы, связывавшія животныхъ; послѣ того слѣдовало бѣ

197) Сахар. Сказ. Рус. нар. о знахорствах. 49.—198) Symb. II. 172.—

199) Scias Bohemorum strigas sive lemuras nostras praevaluisse Eumenidas.—Cosmas.

жаты, не оглаживались²⁰⁰⁾. Домовые, безъ сомнѣнїа, ъ Славянъ означали пенатовъ, покровителей дома и домашнихъ пожитковъ. Хотя теперь обыкновенно ихъ признаютъ за злыхъ, но въ старинѣ они были добрыми генїями и старое понятїе прорывается въ нынѣшнихъ вѣрованїяхъ. Такъ въ заговорѣ мать отводитъ отъ сына чужого домового; свой же домовой не опасенъ²⁰¹⁾.

Въ числѣ злыхъ фантастическихъ существъ, принадлежали калцей - лдѣнъ²⁰²⁾ или Коцей безсмертный, представляемый воображенїемъ въ видѣ скелета, треклята баба лга, противоположная золотой Бакѣ-Ладѣ, кѣга ъ Сербовъ или морова женщина и проч. Такъ — какъ цѣль моя не писать полной мидологїи славянской, тѣмъ болѣе народнаго демонословіа въ настоящее время; то я ограничиваюсь сказаннымъ, представляя подробное разсмотрѣнїе этнографамъ. — Съ символическими почитанїемъ предметовъ физическаго міра, тѣсно связанъ былъ ъ Славянъ догматъ превращенїа, — въ пѣсняхъ Славянскихъ народовъ очень много исторій о превращенїяхъ: вѣрно предки наши вѣрили, что душа покойника и даже живой человѣкъ съ тѣломъ можетъ перейти въ дерево или птицу, или какое другое существо а).

200) Ibid. — 201) Сахар. Рус. Чернокн. 19. — 202) Сахар. тамъ же.

а) Нѣсколько такихъ метаморфозъ я считаю излишнимъ привести здѣсь:

1. Дѣвушка, не слушая предостереженій брата, вступила на рѣчную

Дитмарх говоритъ, будто Славяне не знаютъ ничего о будущей жизни; но это несправедливо, ибо мы видимъ явственно изъ остатковъ нашей поэзіи противное. Изъ Краледворской рукописи мы знаемъ, что Славяне признавали въ человѣкѣ особое существо, которое называли дѣшею или дѣшицею и мѣсто ей полагали въ горлѣ. Были тамъ изъ тѣла жемчужина (по выраженію сл. о п. Игор.) дѣша выходила изъ горла и пѣскалась по деревьямъ; тогда Морена препровождала ее въ черную ночь. Такъ изображается кончина человѣка. Изъ Нестора и арабскихъ писателей мы знаемъ, что Славяне своихъ мертвецовъ сжигали, а пепелъ ставили въ сосудахъ на столпахъ надъ дорогами и творили тризны или поминки въ честь усопшихъ ²⁰⁴). Было ли у Славянъ определенное мѣсто для дѣшъ, объ этомъ положительно ни-

кладку утонула и превратилась въ березу, очи ея въ терновыя ягоды, а коса въ траву.

2. Злая мать преслѣдовала сына суровымъ обращеніемъ: сынъ уѣхалъ и превратился въ яворъ, а конь его въ камень. Мать вышла въ поле и стала подъ яворъ, который отозвался къ ней и она превратилась въ пыль.
 3. Юноша полюбилъ дѣвицу и убѣждалъ съ нею, но никакъ не могъ соединиться бракомъ; самъ онъ превратился въ теренъ, а дѣвица въ калину.
 4. Господинъ ненавидѣлъ свою жену и полюбилъ молодую дѣвушку, которая рассказала объ этомъ госпожѣ. Госпожа убила ее: изъ ея ногъ выросли два явора, а изъ рукъ два бука.
 5. Дѣвица долго дожидалась своего жениха, выходила на высокій курганъ, и плакала до тѣхъ поръ, пока превратилась въ тополь.
- 203) Ibn-Fotzl. 19. Нест. 6. — 204) Нест. *ibid.*

гдѣ не сказано; выраженіе: Морена усыпила его въ черной ночи, по видимомъ, показываетъ, что не было и нихъ ни раѣ, ни ада, но Славяне не признавали совершеннаго уничтоженія послѣ смерти, и черная ночь Морены не была ничтожество. Праздники въ честь умершихъ, совпадающіе весной съ празднествами обновленія природы, возлѣніемъ и молитвы за мертвыхъ, показываютъ, что Славяне имѣли понятіе о жизни загробной. Изъ Нестора и Льва Діакона ²⁰³⁾ мы знаемъ, что, по славянскомъ понятію, каѣтвopе-стѣпникъ бѣдетъ рабомъ въ бѣдѣшемъ вѣкѣ. Вста-ринъ во время поминковъ лилъ вино на могилы и ставилъ кѣшанья, съ тою мыслію, что все это до-станется покойникъ. Слѣдовательно, смерть не пре-сѣкала существованія человека совершенно. Едва ли и какого народа есть столько преданій о бродячихъ мертвецахъ, какъ и Славянъ; но точно, Славяне не-

6. Мужъ уѣхалъ на войну, оставя жену на попеченіе матери своей. Свекровь обращалась съ нею такъ сурово, что невѣста отъ тоски превратилась въ рябину. Мужъ, возвратившись, увидѣлъ неизвѣстную рябину, началъ рубить, а въ деревѣ показалась кровь, и рябина сказала, что она превращенная жена его.
7. Дѣвица несла воду, отяготясь работою, наложенною на нее хозяйкою, бросила ведра и превратилась въ яблоню. Юноши ѣхали мимо, срубили яблоню и сдѣлали изъ нея гусли.
8. Братъ убилъ брата: изъ тѣла убитаго выросла камышина, которая, бывъ сорвана, играла пѣсню, обличающую убійство.
9. Юноша долго находясь въ чужбинѣ, женился и узналъ, что жена его—родная сестра: оба превратились въ цвѣтокъ, называемый по великорусски Иванъ да Марья, а по украински братъ съ сестрою (viola tricolor): брата означаетъ синій цвѣтъ, а сестру желтый.

203) Ист. Льва Дьяк. 94.

имѣютъ для нихъ опредѣленнаго мѣста: мертвецы, по народномъ понятію, не приходятъ изъ ада и мрака, а выходятъ изъ гроба или появляются неизвестно откуда; одни дѣлаютъ людямъ зло, другіе бродятъ кезъ всякой цѣли по міру, не находя себѣ пріюта. Изъ всѣхъ такихъ повѣрій, которыхъ безчисленное множество, видно, что опредѣленное мѣсто для мертвыхъ едва ли было, но что было вѣрованіе о жизни послѣ смерти. Впрочемъ, Чехи, которые больше хоронили мертвыхъ, давали мертвымъ въ ротъ и рѣзи монеты для заплаты Wuodzy и Plawcy, — лицамъ, которые, повидимому, должны были проводить и переправить куда-то мертвыхъ ²⁰⁶⁾. Такъ—какъ Славяне сожигали мертвыхъ, и при томъ вѣрили въ пребываніе другого существа въ тѣлѣ человеческомъ—души, то вставаніе изъ гробовъ не могло быть тогда всеобщимъ вѣрованіемъ. Знаемъ только, что мертвые

10. О кукушкѣ рассказывается нѣсколько превращеній, напр. у Сербовъ сестра превращается въ кукушку за то, что плакала о мертвомъ братѣ. У Поляковъ княжна, которую отдавали насильно замужъ, превратилась въ кукушку. У Малороссіянъ женщина, отданная въ далекую сторону замужъ, прилетаетъ къ матери въ видѣ кукушки.

11. Женщина превращается въ камень за недостойное употребленіе хлѣба.

12. Свадьбы превращаются въ волковъ по наговорамъ.

13. Души умершихъ превращаются въ птицъ и являются живымъ; такъ въ Малороссійской пѣснѣ душа убитого прилетаетъ на трупъ свой къ плачущей женѣ въ видѣ павлина.

14. Дѣвушка утопаетъ въ Дунаѣ и члены ея превращаются въ разные предметы, руки въ шукъ, ноги въ сомовъ.

206) Kron. Czesk.

являлись. Я полагаю, что их мѣстопробываніе — вся природа. Души переходили въ деревья и птицъ, и отзывались къ человѣкѣ, или принимали свой прежній образъ и являлись. Это не былъ совершенный метампсихозисъ, но только недостаточность понятія о раѣ и адѣ послѣ смерти. Можно себѣ вообразить, какъ тѣсна была связь Славянъ съ природою, какъ одушевленъ былъ міръ. Между тѣмъ, было вѣрованіе о новой жизни, о возвратѣ и обновленіи. Въ первые дни праздника весны существовалъ обычай закланать мертвецовъ: это дѣлалось тогда, когда праздновалось воскресеніе природы, побѣда Скандовита надъ мракомъ и уничтоженіемъ и, кажется, основывалось на вѣрованіи, что доброе начало нѣкогда побѣдитъ совершенно смерть и воздвигнетъ мертвыхъ къ жизни; — къ етому далекомъ времени относились награда и наказаніе: вотъ что и называлось вѣкъ бѣдъ и цѣль. Прѣдсѣдательствъ Дюнсбургъ²⁰⁷⁾, думали, что тѣла нѣкогда воскреснутъ и бѣдутъ жить въ такомъ состояніи, въ какомъ были прежде. Кадлубекъ²⁰⁸⁾ говоритъ о Гетахъ, подъ которыми разсмѣетъ Латышей и Литовцевъ, что, по ихъ мнѣнію, души выходятъ изъ тѣла, а въ послѣдствіи войдутъ въ тѣла, которыя тогда родятся. Въ другихъ мидологіяхъ находится тоже вѣрованіе, напр. въ скандинавской и въ Зенд-Вестѣ, гдѣ говорится, что воплощенное добро

207) III. с. 5. — 208) IV. с. 19.

Созіашихъ поразитъ смерть, воскреситъ мертвыхъ, и создастъ новое небо и новую землю.

Славянская религія чужда была фатализма. Объ этомъ насъ извѣщаетъ еще Прокопій, говоря, что Славяне о судьбѣ вовсе не имѣютъ понятія. Хотя въ настоящее время въ нашихъ простонародѣ сѣетъ мысль о предначаченіи, но она ясно заимствована изъ христіанства отъ чужихъ. У Поляковъ даже слово los, означающее судьбу, заимствовано изъ нѣмецкаго. Малороссійское слово доля незначитъ судьбу, а состояніе, въ которомъ находится человекъ: въ одной пѣснѣ козакъ жалуетъ на долю, а доля ему отвѣчаетъ что не доля виновата, а кола. Вотъ коренное славянское понятіе о свободѣ человека. — Гаданія при храмахъ не значатъ также вѣры въ судьбу, а значатъ то, что человекъ чувствуетъ недостатокъ своего разума и желаетъ узнать отъ божества: будетъ ли кѣмъ то, что онъ предпринимаетъ.

Вѣра въ гаданья была распространена между Славянами до чрезвычайности, такъ — что и до сихъ поръ въ русскихъ селахъ знахоръ или гадатель пользуется такою же силою и значеніемъ какъ оракулъ. Прорицанія въ храмахъ всегда совершались съ гаданьями. Гаданіи не только жрецы, но женщины, которыя, занимаясь этимъ, составляли какъ бы особенный цехъ. Въ Чехіи были женщины, называвшіяся wieszkynie; — онѣ отвѣчали на вопросы относительно политическаго

состояніи страны, и князья предпринимали дѣла по ихъ совѣтамъ ²⁰⁹⁾. Славяне имѣли глубокое уваженіе къ жребію и считали его объявленіемъ высшей воли. вмѣстѣ съ етимъ соединялась вѣра въ могущество слова. Человѣческое слово имѣло въ себѣ что-то чародѣйственное, заключало таинственную силу, которую узнать — была высокая мудрость. Слово могло дать человѣку счастье и погубить его безвозвратно; слово могло прогонять болѣзни, останавливать дѣйствіа злыхъ дѣховъ, управлять физическими явленіями, творить чудеса. Кто постигъ таинственное значеніе слова, тотъ безопасенъ и въ битвѣ, и на морѣ, и среди тайныхъ непріятелей. Памятникомъ етого вѣрованія остались заговоры, посредствомъ которыхъ простой народъ думаетъ пріобрѣтать богатства, избавляться отъ опасностей и колѣзней. Такое вѣрованіе развило у Славянъ любовь къ поезіи и произвело огромный запасъ пѣсенности. Въ пѣснѣ Славянинъ видѣлъ не только пріятное, но высоко чудесное; поэтъ носилъ имя вѣщаго, т. е. вѣдающаго сокровенныя истины, и поезія называлась вѣща. Оттуда, у Славянъ уваженіе къ законамъ и правиламъ отцовъ, выражаемымъ во множествѣ изреченій или пословицъ, въ которыхъ высказывается житейская мудрость.

209) Kron. Czeska 47.

II.

ПРАЗДНИКИ ЯЗЫЧЕСКИХ СЛАВЯНЪ.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствиамъ земледѣльческаго процесса: посѣять, собрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. Стрыковский, описывая этотъ праздникъ у Литовцевъ, говоритъ, что онъ продолжался съ 25 Мая по 23 Іюня. Это столь долгое празднество было у Славянъ: у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 Іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣкахъ. Нарвѣтъ сомнѣвается, что въ праздникъ народа земледѣльческаго былъ столь продолжителенъ въ такое время, когда нѣжно заниматься работами; но во первыхъ, самыя полевыя занятія у Славянъ сопровождались, какъ и теперь сопровождаютъ, пѣснями, и притомъ такими, какія только и поются во время извѣстныхъ работъ; — а во вторыхъ — время съ 23 Мая до 23 Іюня для земледѣльческаго класса довольно свободное: тогда сѣвка кончается, а покосъ еще не начатъ. И теперь, ни въ какое другое время не

поется болѣе пѣсень, какъ въ это. Праздникъ весны былъ даже гораздо продолжительнѣе, а Стрыковскій сказалъ только о части его, о томъ времени, когда скоода отъ работъ давала поселянамъ болѣе возможности предаваться играмъ и забавамъ. —

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертвѣ козелъ, подобно какъ въ Прѣссовѣхъ и въ восточныхъ народовъ. Памятниками этого древняго обычая въ Славянѣхъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла: его наблюдаютъ въ Украинѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвцы бѣгаютъ по улицѣ съ рѣкоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По русски, этотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распѣскались рѣки и выказывалась перекладина трава, отправлялось торжество смерти зимы и коцареніа весны. Прежде всего хорокодъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый въ Полковѣ стадо ¹⁾ кѣпался въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался въ Украинѣ еще въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельствѣ Боплана, обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ, юноши бѣгали съ ведрами

1) Dlug. Hist. 1. Krom. 55.

за дѣвками и обливали ихъ водою, а на дрѹгой день дѣвцы тѣмъ же отплачивали мѹцннамъ; въ дрѹгихъ мѣстахъ дрѹга дрѹга бросали въ водѹ ²⁾, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на прѹкеснѣ въ водѹ, потомъ взлѣзаютъ на извѹ и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершался символическій обрядъ ѹтоплѣнїа зимы и закланнїа весны ³⁾. Въ XVII вѣкѣ въ Польшѣ дѣлали соломенное чѹчело, надѣвали на него женскѹю одеждѹ, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ водѹ; это чѹчело называлось Маржаной, и означало ѹ Славянъ, по толкованїю Бѣльскаго ⁴⁾, смерть или зимѹ — т. е. водѹ въ стомячемъ положенїи, — дѣканнѹ Гекатѹ въ пагѹбномъ, ѹбивающемъ отношенїи. Тогда пѣли: смерть вѣтѣ по заборахъ, ища себѣ поживы. — У Чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ ѹбитой зимы и воскресѣнїа весны ⁵⁾. Потомъ, дрѹгое соломенное чѹчело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Эти два обряда означали распѹсканїе воды, и ѹмерщвленїе Маржаны или зимы — воды мертвой, посредствомъ сочетанїа огнесвѣта съ водою живою и плодородящею (цѣлющаю и мертвящаю вода въ рѹсскихъ сказкахъ). Что топлѣнїе и сожженїе совершалось вмѣстѣ, видно изъ слѣдѹющаго: Бѣльскій гоко-ритъ ⁶⁾, что топлѣнїе Маржаны было отправляемо

2) D'Éscript. d'Ukr. Синопс. 49. — 3) Русс. прост. празд. III. 13. —

4) Bielsk. Kron. — 5) Карамз. Т. I. пр. 232. с. 352. — 6) Рус. прост. празд. VII. 9.

на вѣлоѣ (на 5-й недѣлѣ поста) недѣлѣ, а въ пѣснѣ малороссійской поется:

На вѣлоѣ недѣли,

Пожары горѣли;

Потомъ совершалось закликаніе или призываніе весны. Это торжество у Русскихъ называется красною горкою, у Черкonoрбисовъ галками. — Каждая свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семе́йственное, и погребальное.

Во первыхъ, это было торжество приходившей весны. Оно начиналось призываніями матери солнца, великой Лады^{a)}. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнца^{b)}; хороходы обрѣцались къ мѣсяцѣ^{c)} и звѣздамъ^{c)}; пѣли скитценныя пѣсни въ

a) Напр. въ пѣснѣ:

Благослови мати,
Ой, мати Лада, мати!
Весну закликати.

b) Напр.

Солнышко ведрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твой дѣтушки плачутъ,—

или

Взойди ясное солнышко:
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ со дѣвками.

c)

Што ты, мѣсячко, да не одинъ на небѣ,
Хоть я одинъ, такъ Богъ меня родилъ
Что есть звѣздочки, то всѣ со мною

или

Свѣти зоре, на все поле,
Заколь мѣсяцъ зойде!

честь воды ^{d)}, совершали моленіа о плодородіи и нн. посланіи дожда ^{e)}, обращались къ лѣсамъ, проса нхъ развиться ^{f)}, призывали птицъ развеселить пѣніемъ разцвѣтающіа дѣрзвы ^{g)}. Потомъ отправалялись сим. волнческіа игры; нѣкоторыа изъ нхъ знаменовали веснѣ, другіа означали воспоминаніа мидологическихъ событій. Тогда жъ борьба Скандовита съ Черноогомъ, смерть и погребеніе Скандовита и возстаніе, какъ египетскаго Озириса или римско-фригійскаго Аттиса, изображалась драматически, и отъ етаго осталса 8поманутый выше образъ Кострѣвонька. Въ пѣснѣ, которѣа теперь поютъ при погребеніи Кострѣвонька, изображается плачъ ксей природы надъ 8мершимъ боже. ствомъ, потомъ образъ кончается веселыми пѣснями. Изображаа оцѣпененіе природы зимою и возвра. щеніе къ жизни весною, етотъ образъ символизуетъ земное странствованіе Скандовита, смерть въ борьбѣ,

d) Луга берега разливайтесь
Разлейся вода, вода вешняя!

e) Дождь, дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.

f) Напр. (малорос.) ей дуже,
Шуми дуже!
Негайся
Добрѣвенько развивайся!

g) Лѣсъ ты мой, лѣсъ зеленъ; не весель
Нѣкому тебя развеселить
Что были пташечки, въ ирей полетѣли.

подокно балдыровой, и вѣрно возстаніе, подобно
 озириковъ и аттиковъ. — Кромѣ етого обряда есть
 еще нѣсколько другихъ обрядовъ, которые здѣсь
 излагать въ подробности я нечитаю удобнымъ, а
 предоставляю такое занятіе этнографамъ. Припѣвы:
 Ладо! Диди-Ладо! (т. е. великій Ладо) Лелю-Ладо!
 Дана! Дана! показываютъ, что все они относятся
 къ священной исторіи язычества славянскаго, съ ко-
 торою связывается свѣто-и-водо-поклоненіе. Обряды
 и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь
 солнцѣ, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, не вѣстѣ солнца,
 носили свѣтильники, подобно какъ въ Египтѣ на празд-
 никъ Озириса, въ Индіи на праздникъ Дробеды, у
 Грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ фа-
 келомъ, также на праздникъ Цереры и Бакха ⁷⁾. Памят-
 никомъ етого осталась одна хорокодная игра, въ
 которой дѣвцы ходятъ мѣрными шагами, пред-
 ставляя какъ будто что-то носятъ въ рюкѣ и
 поютъ:

Засвѣчѣ свѣчѣ

Проти сонечка;

Тихо йде!

А вода по камѣню.

А вода по вѣломѣ,

— Ище тихше.

Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ,
 что она первоначально совершалась около зажженных
 огней.

7) Symb. II. 134. III. 335. IV. 563.

Второе значеніе красной горки было земледѣльчес-
ское. Такъ какъ это было время сѣянiя, то земле-
дѣльческія занятiя изображались символическими обра-
зами. Доказательствомъ томъ служатъ игры, какъ
напр. известная игра: сѣянiе проса, и пѣсни хороход-
ныхъ, въ которыхъ изображается паханiе вообще ^{a)},
сѣянiе мака ^{b)}, хмѣля ^{c)}, ячменя и пшеницы ^{d)},
льна ^{e)} и разныхъ сельскихъ работы ^{f)}. Все это, изоб-
ражалось въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало
полевую трудъ поселянъ. Вместе съ тѣмъ это
празднество имѣло значеніе для пастуховъ. Дитмарсъ
говоритъ, что въ Славянъ, весной, былъ такой обычай:
пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рѣко-
мѣтка изображала рѣку, держащую желѣзный шаръ.
Пастухъ кричалъ: Гонило! стережи! и всѣ думали,
что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ ⁸⁾.
У Литовцевъ также праздновался день Гонилы; Го-
нило почитался богомъ пастуховъ, но праздникъ со-

a) Напр. (малорос.) А за лѣсомъ лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Ой Лелю! Ладю! пахари пахали!

b) Напр. (малорос.) Посѣю, посѣю, чорный макъ,
Да роди Боже червоный.

c) — — (Русск) Перевейся, хмѣль,
Да на нашу сторонку!

d) — — (Русск) Роди; Боже, намъ,
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту!

e) — — (Малорос) Посѣмо лёну, лёну!
Ой Лелю—Ладю! лёну!

f) — — (Малорос) Ой Лелю—Ладю! громада стояла,
Громада стояла, колодязь копала.

8) Ditm. Chr. — Dzieje Nar. Lit. I. 303.

впадалъ съ торжествомъ солнца. Я полагаю, что литовскій Гонило есть славянскій Гонило; и в Славянъ онъ означалъ духа — покровителя стада, или, что вѣроятнѣе, былъ однимъ изъ наименованій свѣтоноснаго существа. Гонило значитъ гонимый, какъ Купало совокупляющій. Кажется, шаръ на палкѣ есть символъ солнца.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуется въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невестою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій разцвѣтъ, радость, свѣжесть^{а)}. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божества служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потомъ, въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы должны были соединиться бракомъ при

а) Доказательствомъ служить напр. слѣд. пѣсня

Весна, весняночка!

Де твоя дочка панняночка?

Сидитъ у садочку

Шіе сорочку,

Шовкомъ то бѣлью

Къ своему веселью!

Здѣсь я разумѣю подъ весною Ладу, а подъ дочерью Дѣванну, сестру и жену Свантовита.

концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь, для прославленія верховной любви. Доказательствомъ служатъ пѣсни, въ которыхъ представляется любовь мужескаго пола къ женскому; но никогда одного лица къ другому, а всегда нѣсколькихъ лицъ разомъ, такъ что обыкновенно, три - четыре юноши изображаются то въ видѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, а три или четыре дѣвшки въ видѣ звѣздочекъ, то въ видѣ птицъ, растений и т. под. И весеннія игры символизируютъ часто любовь и бракосочетаніе, напр. царевичъ и царевна, или сѣаное просо, гдѣ представляется змиканіе дѣвницъ, и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрницъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ междѣ дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились междѣ собою и готовились къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется радѣницей или проходами и могилами. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ союды съ пепломъ умершихъ, приносили тѣмъ жѣтвы и напитки, дѣлали возлѣнія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ воспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торже-

ственное пиршество, на которомъ пили - ѣли званные и незванные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начинались борьбы и ристанія, подобно какъ въ древности у Грековъ, что видно изъ Иліады. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Оттого самое слово тризна въ лексиконѣ Памвы. Беринды объяснено поединкомъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что, послѣ пиршества надъ моголою Игоремъ, княг. Ольга пригласила Древлянъ на состязаніе съ Кіевлянами⁹⁾. Въ этомъ обычаѣ напоминаетъ Митрополитъ Кириллъ въ XVII вѣкѣ, говоря что творятъ нѣкіе позоры съ кличемъ и копьемъ бьющеся дреколѣемъ до самыя смерти¹⁰⁾. Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе. Козьма Пращскій говоритъ, что въ Чехіи отправлялись языческія игры для успокоенія умершихъ, потомъ возбуждали ихъ (т. е. закликали по русскому народному термину¹¹⁾ и, надевая маски, оканчивали поминовеніе весело и шумно¹²⁾. Изъ Стоглава видно, что, во время поминовенія, играли скоморохи и гудники, всѣ перестаютъ плакать и начинаютъ скакать, плясать и бить въ ладоши¹²⁾. Славяне, значитъ, вѣрили, подобно Персамъ, что придетъ день всеобщаго возстанія, день

9) Нест. 24.—10) Русс. дост. Т. I. 114.—11) Lib. III. 197.—12) Русск. прост. празд. I. 28.

свѣтозарный, когда Ладъ - Скандовитъ побѣдитъ Чернобога и настанетъ новая земля и новое небо. Памятникомъ этого догмата осталось повѣрье, что есть въ нѣкоторомъ царствѣ люди, которые зимуютъ на зимѣ и воскресаютъ въ день Егоріа. т. е. люди зимуютъ, когда настанетъ ихъ зима и воскреснутъ въ день побѣды Скандовита, замѣненнаго теперь именемъ христіанскаго вѣтхза.

Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и шкеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладъ. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хоры обывоченно въ водахъ, въ роуцахъ или лѣвахъ. Это то были тѣ игрища межю селы, на которыхъ, по словамъ Нестора, шмыкахъ въ воды дѣвица, это то тѣ штолоченыя игрища, на которыхъ жаловались дѣховныя отцы, шказывая въ противоположность на пѣстыя храмы Божіи. Я полагаю, что при этихъ игрищахъ не всегда соблюдалось целомудріе, по крайней мѣрѣ до известной степени, ибо эти игрища казались для Христіанъ срамными и блудными. Слѣды почитанія лингама въ сѣверныхъ Руссахъ при праздникѣ Мрила показываютъ, что понятіе о Ладѣ было довольно нескроминоное. Несторъ говоритъ, что на игрищахъ по собиранію имѣли по двое и по трое женъ. Соображая шваженіе къ свпрѣжествѣ Славянъ, я понимаю это известіе такъ, что на игрищахъ часто юноши перемѣняли своихъ

любовницъ. Выраженіе въ Краюдворской рѣкописи: по-
 велѣваютъ намъ имѣть единѣю дръжѣ отъ
 Весны до Жораны означаетъ, кажется, то, что
 Христіане не позволяли сходиться на игрища, гдѣ
 молодежь пребывала въ непозволительномъ обращеніи.
 Пѣсни, которыя поютъ весной по вечерамъ наши по-
 селане, дышатъ часто сладострастіемъ. Прибавьте къ
 етому описаніе Руссовъ въ восточнаго путешественника¹⁵⁾,
 гдѣ изображаются въ отвратительномъ видѣ ихъ от-
 ношеній къ дѣвушкамъ (а не женщинамъ); и такъ
 все приводитъ къ тому, что игрища языческихъ за-
 ключали въ себѣ много такого, что теперь оскорбляло
 бы понятіе о благопристойности. Чувство стыдливости
 преимущественно развито христіанствомъ. Мѣстности
 вообще не такъ грѣшными казалось короткое обраще-
 ніе междѣ полями. Во всѣхъ почти религіяхъ, род-
 ныхъ славянской, по свѣтопоклоненію, видно не толь-
 ковольное обращеніе половъ, но скверное блудодей-
 ніе. У Индійцевъ были Бадеры, которыя жили при
 храмахъ и оказаны были отдавать себя въ наслажде-
 ніе мѣстнымъ въ честь коговъ. Какія мерзости дѣ-
 лались въ Египтѣ, можно видѣть во второй книгѣ
 Геродота. У Вавилонянъ, по свидѣтельствѣ Геродота,
 при уваженіи къ супружескомъ союзѣ, каждая женщина
 разъ въ жизни должна была отдавать себя чужезем-
 цѣ въ честь богини Милитты (нашей Лады, быть

12) Ibn-Fotzl. 7.

можетъ Миллицы). У Грековъ и Римлянъ на празд-
никѣ Бакха совершались крайнія непристойности и но-
сили изображеніе дѣтороднаго мужескаго члена, какъ
свѣщенный символъ плодотворенія. Можетъ быть и
у Славянъ было понятіе, что дѣвица должна въ
красѣ дней предаться удовольствіямъ, а потомъ уже
сдѣлаться вѣрною сѣпрѣгою. Вѣроятно, у Славянъ,
у которыхъ, по свидѣтельству Саксона Грамматика,
божество наказывало за непозволительное сообщеніе,
что вольное обращеніе не доходило до stuprum, а огра-
ничивалось соблазнительными нѣжностями, поцѣлѣми,
обниманьями. Но какъ бы то ни было, эти игрища,
по способу ихъ отправленія, заслуживали того, чтобы
Христіане ими гнѣшались. Самое вѣрное доказатель-
ство есть то, что и теперь, особенно въ Малороссіи,
на подобныхъ игрищахъ въ селахъ совершаются такіе
остатки языческаго стѣда, которые вовсе уничто-
жаютъ тѣ похвалы чистой нравственности поселанъ,
какія нерѣдко читаемъ въ нашихъ книгахъ.

Когда земледѣльцы обѣсѣллись, и настѣпало болѣе
свободное время, когда солнечный жаръ становился
ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло
быстрѣе, Славяне отправляли торжество въ честь
Лада, называемое Семикомъ: слово это совпадаетъ
съ семью тысящами дней царствованія Даждь - Бога и
семью мечами Рѣивита. Праздникъ этотъ былъ тотъ
же, который называется у Русскихъ Мрилѣмъ, а у

Словаковъ Тѣрицами и Лѣтницами ¹⁴⁾. Имя Арило означаетъ тоже, что Аровитъ, и происходитъ отъ слова аръ, а слово аръ имѣетъ нѣсколько смысловъ: 1. аръ = весна; 2. аръ = мужество bujarost (Краловъ. рѣк.) отъ вага; 3. аръ = гнѣвъ, ярость; 4. аръ = похоть, ярость; Тѣрицы происходятъ отъ Тѣръ, что значитъ дикаго быка, а быкъ, мы знаемъ уже, въ Славянъ, какъ и въ другихъ идолопоклонниковъ, символизировавъ свѣтоносную плодотворящую силу. — И такъ — какъ сила плодородная въ своемъ существѣ была то, что божество свѣта, то етомъ божествѣ придавалось названіе Тѣръ, подобно какъ и въ Египтянъ быкъ Аписъ означалъ бога, а оттѣда, по сравненію и по образовавшемся оттого однозначенію словъ: тѣръ и битъ, называли тѣрами и героявъ; такъ въ словѣ о полку Игоря Всеволодъ называется аръ — тѣръ. Подобно красной горкѣ Семикъ имѣетъ четыре значенія: религиозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ етотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купала, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ Славянины въ разные времена, но непременно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника.

14) Slov. Starož. Okr. Cz. I. § 6. p. 51.

Идеа его есть поклоненіе свѣтоносномъ существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности, богъ Рѣнебитъ. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирався на берегъ рѣки на возвышеніи, въ роцѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами — вѣрно прежде символическими знаками — служило неперемѣннымъ элементомъ этого праздника у русскихъ поселенъ. Обыкновенно это дерево — береза, и кажется оно символизировало мать-природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизируетъ мать. У Римлянъ было священное дерево на праздникъ Атиса и означало мать Цибелы; тоже значила Майя, принимаемая въ смыслѣ природы и матери міра, Афродиты¹⁵⁾, въ честь которой ставили дерево, называвшееся *arbor majalis*¹⁶⁾; подобно у Индійцевъ изображалась Бгавани, всеобщая мать, въ образѣ Лотоса¹⁷⁾. По изысканіямъ ученаго Снегирева, такое дерево у Датчанъ называлось *Maistrae*, у Англичанъ *Maurole*, у Нѣмцевъ *Maibaum* и употреблялась для того береза¹⁸⁾. Конечно, это одно понятіе, по которомъ у древнихъ Кельтовъ высочайшее существо символизировалось также въ видѣ дерева¹⁹⁾. Поэтому-то я полагаю, что и русская березка означала тоже мать-природу, въ чемъ убеждаетъ меня еще и пѣсня

15) Funke III. 406. Symb. IV. 255. — 16) Рус. прост. празд. III. 84. —

17) Symb. III. 328. — 18) Рус. прост. празд. III. 328. — 19) Allgem. Weltgesch. Gesch. der Celt.

о превращеніи въ березѣ женщины, которой очи стали
черный теренъ, коса — шелковая трава, слеза — роса.
Слѣдовательно, какъ скоро олицетвореніе исчезаетъ,
то идея его выражаетъ всю природу. — Въ этомъ же
семицкомъ торжествѣ относится и обрядъ погребенія
Арилы; хотя его отправляютъ иногда и послѣ, но
какъ въ различныхъ мѣстахъ въ разное время, то
вѣрнѣе всего онъ долженъ былъ совпадать съ празд-
никомъ березки или слѣдовать непосредственно за нимъ.
Арилы празднуютъ теперь различнымъ образомъ: встаринѣ
человѣкъ, раздуманный, обвязанный лентами и коло-
кольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ,
окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла,
пляснствовала и билась на колачки не рѣдко до смерти.
Въ заключеніе хоронили чучело мужчины съ лингамомъ.
Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воро-
нежѣ, въ житіи Преосвященнаго Тихона ²⁰⁾, который
истребилъ и проклялъ идола. — Въ другихъ мѣстахъ —
напр. въ Воронежской губерніи — Ариломъ называютъ
истѣканъ одѣтый въ мужское и женское платье вмѣ-
стѣ. Въ Гублоруссін Арило изображался въ видѣ мо-
лодого человѣка, украшеннаго цвѣтами. По всемъ однако
видно, что Арило однозначителенъ съ Кострѣвоныкомъ
и Костромой и наконецъ Ладомъ, ибо въ Владимір-
ской губерніи называютъ Арилы Ладомъ ²¹⁾. Арило

20) Опис. жиз. и подв. Преосв. Тих. 26. — 21) Рус. прост. празд. IV. 60.

значитъ возбуждающій любовь и похоть, а погребеніе его есть повтореніе или перенесеніе на лѣто весенняго оклада погребенія Кострѣбонька. Докольнo изъ этого, чтобы видѣть, что этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта, изображаемаго въ смыслѣ любовной плодотворной силы. Праздникъ смѣ приходитъ въ то время, когда вся природа бываетъ по русскому выраженію въ ярѣ. Принадлежностью этого праздника есть гаданье, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаются въ водѣ.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, Славяне отправляли въ то время люстрацію полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы нѣсутъ въ вѣнкахъ, и поютъ пѣсни, приличныя только етому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣрѣ кротко, обращали къ христіанскіе тѣ изъ языческихъ окладовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ Христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любовниковъ, а выражается предчувствіе скорого брака. Такъ, въ одной напр. пѣснѣ, дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замѣжемъ, въ другой сожалеетъ

о скоропреходящих днях дѣчества, дняхъ забавъ и пѣсней, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого, въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и гокоритъ: «гдѣ жъ, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою». И въ пѣсняхъ лѣтнихъ мать посылаетъ дочь по-невѣстити́сь.

Разомъ съ гдѣльемъ, пиришествами и веселыми играми поминали мертвыхъ. Хороводъ переходилъ отъ священныхъ роірь и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми какъ и весной. Оттого въ христіанствѣ въ семицкіе дни рыли могилы для странниковъ. И теперь, около этого времени въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднѣя полнѣю жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечъ свѣта поразитъ емока и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ тоже время отправлялись жертвоприношенія рѣсаликамъ; и теперь недѣля послѣ дѣховой называется рѣсальной. По извѣстію Козьмы Пражскаго, Чехи приносили около праздника Пятидесятницы жертвоприношенія источникамъ²²⁾.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго праздника Лада, отправляемо было великое торжество Кѣпала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не

22) Cosm. III. 197.

осталася 8 Славянъ изъ его авно-языческими при-
 надлежностями, послѣ принятїа христїанства, какъ
 кѣпальный. Дѣхъные въ Россїи снѣлись истребить его
 и немогли до сихъ поръ; но оставили намъ любопыт-
 нымъ описанїемъ. Въ Стоглавѣ (въ XVI вѣкѣ) жалуют-
 ся, что противъ праздника Рождества Іоанна
 Предтечи противъ ночи и во весь день до ночи
 мѣжи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицѣ
 и, ходя по водамъ, глѣмы творятъ со всякими
играми и всякими скоморошествами и пѣсни са-
танническими, ночью въ рѣцѣ, омываются водою,
 и пожаръ запаливъ, перескакахъ по древнемъ нѣ-
 коемъ обычаю ²³⁾. Въ Синописѣ говорится, что
 въ Малороссїи въ навечерїи Рождества Св. Іоанна
 Крестителя собравшеся въ вечерѣ юноши мѣжеска
 женска и дѣвическа пола, сплетаютъ себѣ вѣнцы
 отъ зелїа нѣкоего и вѣзлагаютъ на главѣ и
 опоясываютъ ими. Еще жъ на томъ вѣсовскомъ
 игралицѣ кладутъ огонь и окрестъ его емшеся
 за рѣцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ и пѣсни
 поютъ, сквернаго кѣпала часто повторяюще и
 чрезъ огонь прескакѣюще ²⁴⁾. Глѣтинская лѣтопись
 гласитъ, что въ навечерїе Рождества Іоанна
 Предтечи собирается прѣстѣмъ чадъ обоюго пола,
 сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ лѣдоваго зелїа и

23) Русс. прост. празд. IV. 37. — 24) Синопис. 48.

препожсавшесѧ былїемъ, возгнѣтаютъ, огонь и дѣже поставляютъ зеленѹ вѣтвь и емшесѧ за рѹцѣ скоро обращаютсѧ окрестъ того огня, поюще свои пѣсни, потомъ чрезъ оный огонь прескакѹтъ ²⁵⁾. Въ Польшѣ такой обычай называлсѧ соботка, и въ XVI столѣтїи служилъ ѹбеселенїемъ даже высшаго класса. Намъ подали завѣтъ матери, говоритъ Мнѣ Кохановскїй, извѣстный поэтъ польскїй; чтобъ когда соловей перестанетъ пѣть и солнце встѹпитъ въ знакъ рака, непременно была палима соботка ²⁶⁾. По извѣстїю ботаника Мартина такой огонь, назначенный для перескакиванїа чрезъ него, добывалсѧ посредствомъ тренїа дерева окъ дерево ²⁷⁾. У Западныхъ Славянъ это празднество, называемое также Сobotка, такъ ѹкоренилось, что, по извѣстїю Ходаковского, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ 23-го Іюня вечеромъ горы Судетскїа, Корконоши и Карпаты кажѹтсѧ пылающими ²⁸⁾.

Слѣды этого праздника сѹществѹютъ ѹ многихъ народовъ. Такъ въ Скандинавскихъ странахъ такой огонь зажигалсѧ въ честь Балдѹра; въ Германїи онъ называется Iohannisfeuer: Нѣмцы переводили чрезъ него стада свои. Какъ онъ древенъ, видно изъ того, что еще Карлъ Великій запрещаетъ его Саксонцамъ. Онъ тогда

25) Густ. Лѣт. Полн. Собр. Лѣт. II. 257. — 26) Dzieje Jana Kochanowsk. Krak. 1639. — 27) Рус. прост. празд. IV_29. — 28) Истор. Мал. Росс. Т. III.

назывался Nedfri т. е. Nothfeuer необходимый огонь²⁹⁾. В Венгрии также зажигают огонь и перескакивают через него. У Литовцев этот праздник назывался Росса и зажигание огня было главным его обрядом³⁰⁾. У Финнов он называется Кокко³¹⁾. У древних Римлян существовал пастушеский праздник Палил, когда перескакивали через огонь и проводили стада; вместе с тем совершалось очищение и посредством воды³²⁾. Овидий говорит, что он три раза перескакивал через огонь и был кропим водю с лавровой ветви³³⁾. У Греков очищение посредством огня и воды составляло важный догмат религии и существенную часть таинства Цереры и Бакха³⁴⁾. В глубокой древности на праздник Весты — 23 июня, кропили водю дома и перепрыгивали ночью через зажженные костры³⁵⁾. У Монголов был такой же обычай, как видно из того, что князь Миндана черниговском Батый велел пройти сквозь огонь и поклониться кресту и огню³⁶⁾. У Симетических народов существовало подобное переходение через огонь. Так ответники цари Иудейские Манассей и Ахаз проводили детей своих через огонь по обычаю язычников³⁷⁾. Таким образом, торжество Купала

29) Lindenbr. Capit. — 30) Dzieje Nar. Lit. I. 306. — 31) Русс. прост. празд. IV. 27. — 32) Funke. IV. 26. — 33) Fastes VIII. — 34) Symb. IV. 563. III. 330. — 35) Русс. прост. празд. 24. — 36) Соф. врем. I. 261. 37) Паралип. 33. 6. — Царств. IV. 16. 3.

8 Славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Ботъ какъ отправляется етотъ праздникъ въ южной Россіи: прежде всего юноши и дѣвицы кѣпаются, потомъ надѣкаютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ (*artemisia vulgare*) и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ непременно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно—чѣло на подобіе челоуѣка, другое—дерево, обвитое женскими вѣрами, лентами и вѣнками: дерево обыкновенно бываетъ чернокленъ; потомъ раскидываютъ кѣчи соломы, зажигаютъ и, поставившись кругомъ, поютъ пѣсни, и, взявши въ руки изображенія, попарно парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь, потомъ, когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ водѣ изображенія, изъ которыхъ мужское называется Кѣпаломъ, а женское Мареною. Въ слѣдъ за тѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ водѣ. Въ пѣсняхъ, поемыхъ при етомъ, говорится, что Кѣпало (предѣляемый обыкновенно въ Івана) кѣпался, что играло на немъ солнце, и что, наконецъ, накупавшись, онъ спалъ въ водѣ. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ водѣ. Кроме того, поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, обитавшемъ въ Дѣнаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и прекратившемся въ нѣсколько цѣтковъ.

Кромѣ всего етого, прочіа пѣсни содержаніа ероти-
ческаго и почти каріанты свадебныхъ.

Изъ етого я заключаю: — что два изображенія —
мужеское и женское: Кѡпало и Морена — означаютъ
Лада — Свантовита — свѣтоносное начало, и женское
водное начало или Дѣканѡ: теперь они называются въ
народѣ царь огонь и царица водица. Кѡпало есть
одна изъ номинацій божества; Кѡпало значитъ сово-
кѡплѡній, какъ Мрило — возбѡждацій къ любви.
Слова: Кѡпало (или Иванъ) кѡпался, накѡпался, да
ѡпалъ въ водѣ — значатъ, что Лада свѣтъ, кохался
съ Дѣканомъ воднымъ началомъ и соединилась бра-
комъ, изъ какого соединенія образовалась полная
жизнь и любовь въ твореніи. Бракъ солнца съ водою
былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія; от-
того, по народнымъ свѣдѣніямъ, и солнце три раза
останавливается на день Св. Іоанна, и птицы, и
звѣри, и цвѣты и деревья радѡются. Въ самомъ дѣлѣ,
въ то время, послѣ встѡпленія солнца въ знакъ рака,
заключается въ природѣ процессъ растенія и возбѡж-
денія; — по етому, тогда солнце представляется на
высочайшей крайней степени своей всеживотворящей
дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ етотъ день былъ великъ
ѡ Славанъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороходы
въ продолженіи праздника Лада, должны были соединиться
бракомъ. Хороходы уничтожаются. Каждый юноша
выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается

тѣмъ, что пѣсни кѣпальскія — есть, по большей части, однѣ и тѣже, что свадебныя; — въ нихъ уже мало поется любви, а если поется, то о сѣпрѣжеской; дѣвѣшка терзаетъ отца, брата, сестрѣ и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовкѣ. Какъ кѣпанье, такъ и перескакиванье чрезъ огонь — брады брачныя и, кажется, и Славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчанье. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI вѣкѣ, жаловался Митрополитѣ Іоаннѣ, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья³⁸⁾. Огонь же употребляется на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пирѣ молодые перескакиваютъ чрезъ кѣчъ зажженной соломы, какъ на Кѣпала. Въ этомъ предположеніи, что Кѣпало означало также и брачное торжество, утверждаетъ меня то, что, по окончаніи всей церемоніи, бросаютъ вѣнки въ водѣ, а брошенный въ водѣ вѣнокъ въ малороссійской поезіи неизмѣнно символъ окончанія дѣвства. Оттого, и на свадьбахъ невеста ходитъ въ вѣнкѣ, и снимаетъ его, когда станетъ женою.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которыми фантазія приписываетъ чародейственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже

38) Русс. Достоп. I. 101.

вѣнки съ праздника кѹпальскаго признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ черныльникомъ какой-то земной ѹголь, исцѣляющій отъ болѣзней. — Тогда растетъ трава архиллиа, полѹчаемая, какъ дѣмали встаринѹ, только чрезъ золотѹ и серебряннѹ гривнѹ, и трава-разрыкъ, способная разрѹшать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ танн-ственной силы свѣта. Огнемъ кѹпальскимъ и водою очищали Славяне скотъ, полъ и огороды, приготов-ляясь къ началѹ полевыхъ работъ, и полагаю, что етимъ они предохраняютъ произрастеніа отъ вред-ныхъ насѣкомыхъ ³⁹⁾. И потомѹ, справедливо нѣко-торые мидографы называютъ Кѹпала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородіа.

А не знаю накрѣное, имѣетъ ли праздникъ Кѹпала значеніе для ѹсопшихъ, но то знаю вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ Русскіе объясняли арабскомѹ путешественникѹ, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобъ ѹмершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно достигли блаженства посредствомъ огня. ⁽⁴⁰⁾. Въ Богеміи ежели и хоронили трупы не сжигая, то считали необходимымъ, чтобъ на могилѣ три или семь дней горѣлъ огонь ⁴¹⁾. Что вода была также

39) Lindenbr. Capitul. — 40) Ibn-Fotzl. 21. — 41) Kron Czeska.

необходимою для мертвых, видно из того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвых сожигали непременно въ лодкѣ на водѣ ⁴²⁾. Славяне, для успокоенія усопшихъ, топили въ водѣ пѣтѣховъ и младенцевъ ⁴³⁾. У Приволховскихъ Славянъ къски дерева, изъ котораго дѣлается гробъ, бросаются въ водѣ или сожигаются. — Въ Малороссіи бросаютъ шелѣхъ красныхъ лицъ въ водѣ, надеясь, что она по водѣ дойдетъ къ мертвымъ около дна Кѣпала. Наконецъ, важно еще и то, что около этого праздника у Малороссовъ есть день, называющійся навій великъ день т. е. воскресеніе мертвыхъ. Я думаю, что Славяне полагали день Кѣпала, величайшій день годичной дѣятельности солнца, днемъ окончительной побѣды огне-свѣта надъ тьмою и зломъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада начинались полевые работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовитѣ - Лада, теперь называемый обжинки. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у Прибалтійскихъ Славянъ такимъ образомъ. — «Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, переводя отъ благоговѣнія дыханіе и смотритъ:

42) Ibn-Fotzl. 13. — 43) Пет. Льва Діак 93.

Есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рѣкѣ
идола. Желѣи нѣтъ или мало, что служило предвѣ-
стїемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ
собралъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма:
жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, вы-
ходитъ къ народѣ, выпиваетъ при торжественныхъ
моленїяхъ о всеобщемъ благоденствїи, побѣдѣ и мирѣ,
желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ,
потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ
въ рѣкѣ идола. Послѣ того, онъ выходитъ къ народѣ;
приносятъ огромный медовой пирогъ и ставятъ передъ
жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: что, видите вы меня? У
Желѣи емъ отвѣчаютъ: не видимъ, то онъ говоритъ:
нѣ что-бы же вы меня и на тотъ годъ не увидѣли
за большимъ изобилїемъ ⁴⁴⁾! Это драгоценное извѣстїе
мы можемъ почитать, какъ бы оно было объ на-
шемъ русскомъ отечествѣ. До сихъ поръ въ Малорос-
сіи сохраняется подобный обрядъ, только перенесен-
ный къ времени Рождественскихъ Святковъ. Отецъ
семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ
кѣшанья, обставленные снопами. Онъ спрашиваетъ:
видите ли вы меня, дѣти? емъ отвѣчаютъ: не ви-
димъ. Онъ говоритъ: нѣ дай Богъ, чтобы и на тотъ
годъ не увидѣли. Употребленїе медокаго пирога было
и въ Грековъ священнымъ. Послѣ обряда праздника
проводился Славянами въ пиршествахъ и забавахъ.

44) Saxo Gramm. Hist. Dan. L. XVI. 289.

Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество
это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ.
Въ Россіи обыкновенно все село дѣлается складчинѣ,
пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды,
истинно мидологическіе, напр. дѣлаютъ чучело изъ
снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь
пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ евро-
пейскомъ сѣверѣ символнзуетъ огонь). Въ Малорос-
сіи жницы и женцы несутъ снопы въ церковь, сами
въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ 8 Главнѣе отправлялся зимою
въ то время, когда солнце доходило до minimum
своей силы и возвращалось снова на веснѣ. Праздникъ
этотъ имѣетъ основаніе въ общечеловѣческомъ ми-
дологическомъ понятіи о рожденіи свѣта. Въ Персіи
праздновали Ингрганъ, въ концѣ декабря и называли
праздникомъ рожденія неповѣдимаго солнца. По-
добно томъ и въ Египтѣ жрецы торжествовали рож-
деніе Озириса. У Римлянъ тогда отправлялись Іану-
арскія Календы, называвшіяся также *Natales Solis invicti*.
Этотъ праздникъ принадлежалъ также и къ поклоне-
нію Интрѣ, называвшемуся неповѣдимымъ солнцемъ.
Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было
символомъ раждающагося солнца. У Скандинавовъ
тогда отправлялся праздникъ Їолы въ знакъ воз-
вращающагося солнца. Въ Англіи должайша зимняя
ночь называлась материнскою, ибо съ етихъ поръ
день прибавлялся и солнце входило въ прежнюю силѣ,

т. е. рождалось⁴⁵⁾. У Славянъ былъ въ то время праздни-
 къ, именѣмый теперь Колѣдою; нѣкоторые утвер-
 ждали, что это наименованіе божества мира, другіе
 отвергали всякое мидологическое происхожденіе этого
 праздника и дѣлали, что Колѣда есть испорченное
 слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ Польшковъ,
 которые заимствовали отъ Западныхъ Европейцевъ.
 Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но
 и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ,
 извѣстно имя Колѣды, при томъ находимъ видное
 сходство обрядовъ этого праздника съ древними по-
 добными мидологическими торжествами. А не стану
 излагать всѣхъ этихъ сходствъ, а скажу на прекрас-
 ное сочиненіе Снегирева: Русскіе простонародные
праздники, гдѣ это достаточно показано. — По-
 лагаю же, что имя Колѣда — вовсе не произошло отъ
 Calendae, а скорѣе односмысленно съ словомъ
 Іола, означающимъ колесо — кругъ солнца; то же значитъ
 и колѣда отъ коло — кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у
 Славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца;
 изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ Славяне
 начинали съ зимняго поворота. Озирисъ — Скандовитъ,
 пораженный на время Тифономъ — Чернобогомъ, воз-
 ставляется и начинаетъ свой процессъ оживленія природы.
 И такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою

45) Рус. прост. празд. II. 1—29.

постоянно и сначала оно является въ маломъ видѣ, то отъ того и образовалось понятіе о всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи: оттого и произошло изображеніе женщины — олицетворенной природы — съ младенцемъ. Оттого и Поренѣтъ изображался безоружнымъ: это значило, что свѣтъ управляетъ міромъ, но уже безъ ордѣла борьбы съ тьмою и смертію, а голова на груди Поренѣта означала само-возрожденіе. Памятникомъ етому служитъ пѣсня:

Уродилась коладда

На канѣнѣ рождестка.

Можетъ быть, и должно быть — съ етимъ временемъ совпадало пришествіе на землю свѣтоноснаго начала въ видѣ человека; многія коладки, повидимому относящіяся къ дѣтству Божественнаго Искѣпителя, кажется относятся къ языческому воплощенію. Такъ, напр. въ одной коладкѣ, говорится, что мать родила сына — искѣпала его въ морѣ, а мы знаемъ, что солнце кѣпается, а, по литовскій мифологій, мать его живетъ близъ моря. Вѣроятно, это былъ также праздникъ сотворенія міра, ибо въ нѣкоторыхъ обрадныхъ пѣсняхъ объ етомъ говорится, и говорится при томъ совершенно по языческимъ понятіямъ. Въ то время совершались священныя игры, какъ видно изъ зимнихъ хороходовъ, и приносились жертвы. Такъ въ одной рѣсской пѣснѣ свѣточной изображается явно — языческое жертвоприношеніе: въ лѣсѣ горятъ

огни, вкрѣгъ огней стоятъ скамьи, на скамьяхъ сидятъ юноши и дѣвицы,
 Поютъ пѣсни калѣдѣшки,
 По срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой бѣлатый ножъ,
 Котелъ кипитъ горючій,
 Возлѣ котла козелъ стоитъ,
 Хотятъ козла зарѣзати,
 Ты, братецъ, Иванушко,
 Ты види, ты выпрыгни,
 Я радъ бы выпрыгнуть
 Горючъ камень къ котлу таетъ,
 Желты пески сердце высушли ⁴⁶⁾.

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ имѣлъ, кажется, то значеніе, что тогда составлялся хороводъ на веснѣ и освящается религіозными обрадами. Въ пѣсняхъ, которыхъ въ такомъ родѣ больше всего, изображается приготовленіе къ любовнымъ занятіямъ. Колѣдницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ атрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то героическою удалью, — то прелестною красотою. Дѣ-

46) Сахар. Рус. свят. 16.

вѣщамъ расхваливаютъ ихъ наряды, ихъ красотѣ, и
 говорятъ, что скоро сверѣтся къ ней князи и бояре,
 (т. е. женихи) вѣдѣтъ искать любви еѣ и наконецъ
 возьметъ еѣ доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ
 юношей. По большей части, гаданья, сѣщенственнаѣ
 часть праздника, относятся къ семейной связи.
 Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша
 свою вѣдѣщую подругу. Изъ множества гаданій я
 считаю не лишнимъ привести на память нѣсколько
 такихъ, которыя несомнѣнно относятся къ языче-
 скомъ міру. Къ такимъ принадлежитъ гаданье по-
 средствомъ лошади: — дѣвушки выводятъ коня и про-
 водятъ его черезъ бревно: ежели конь не зацѣпится,
 то мужъ ѣ той, которая гадаетъ о себѣ, вѣдетъ
 добрый, въ противномъ случаѣ — сердитый. Гаданье
 посредствомъ кольца также древнее, потому что
 слѣды его есть въ Крлодворской Рѣкописи. Гаданье
 посредствомъ кѣря, которыхъ заставляють пить
 водѣ, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. под. сходно
 съ гаданьями римскихъ Авгуровъ. Гаданье посред-
 ствомъ накрытаго прибора въ банѣ сходно съ рим-
 скими гаданьями, описанными Св. Августиномъ. Га-
 данье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ
 водѣ и зажигаютъ и, по скоромъ зажженіи заклю-
 чаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи,
 имѣетъ соотношеніе съ языческими понятіемъ о брако-
 сочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданья исклю-
 чительно семейныя. Поэтому, я полагаю, что въ

азычествѣ на праздниѣ колады — рожденіа солнца — составлялся и оскащался хорободъ, котораго члены — юноши и дѣвцы — должны были на будущію весну своею любовію прославлять всеобщію любовь, выражаемую въ природѣ-жизни, а въ азыческой богословіи символическими бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водницею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія праздниѣ Колады имѣла важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычай щедровать и отчасти колдовать въ Малороссіи преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастье хозяина, говорятъ, что въ него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такогужь благоденствія на другой годъ. Богъ тебе клане! — говорятъ въ одной щедровкѣ: — дадутъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречи, а пятый овса. Въ другой говорятъ, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣтитъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспослетъ на нивѣ его дождь, который упадетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ родится жито и пшеница, а хозяинъ въ благодарность за хорошее желаніе долженъ поставить пѣвцамъ медъ и вина. У великороссіи хозяинъ желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При свѣточныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбъ поемъ,
Хлѣбъ честь воздаемъ.⁴⁷⁾

Многіа изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломинны, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломинка съ колосомъ, и о несчастіи, когда пѣста. Есть гаданье земледѣльческое. — Обычай посыпать зерномъ на новый годъ наклдаемый въ Великой и Малой Россіи сопряженъ съ большими торжествомъ, которое называется аксень 8 Великороссовъ и 8 Малороссійанъ щедрымъ вечеромъ. Я полагаю, что этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ значеніе освѣщенія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У Малороссовъ поется при этомъ о свѣтомъ Ілїи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ свѣтымъ Ілїею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иной кто, какъ Ладъ-свѣтъ, всеоживляющее, дарующее всякое благо начало, — Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія. Встаринѣ праздникъ Колѣды, или нѣкаго года былъ временемъ гаданій политическихъ: такъ изъ Олафовой Саги мы видимъ, что въ Новгородѣ на праздникѣ Іолы или Колѣды приносила была передъ народомъ мать Владиміра, которая славила пророчицѣми и она предрекла о пришествіи свѣрнаго героя въ Гардарикію⁴⁸⁾.

47) Рус. Свят. 11. — 48) Русск. Историч. Сборн. IV. 31.

III.

Замѣчанія о языческомъ славянскомъ богослуженіи вообще, а въ особенності въ Россіи.

Религіозныя основанія у всѣхъ Славянъ были одни, что видно изъ сходства нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ, праздненствъ, повѣрій и гаданій; но въ частномъ развитіи религіи славянская была разнообразна. Намъ несомнѣнно говорятъ, что у Прикарпатскихъ Славянъ были капища или храмы, было жреческое словіе. Но нѣтъ слѣдовъ ни того, ни другаго, у Руссовъ, Полжанъ и Чеховъ. Несторъ говоритъ, что у Руссовъ въ Кіевѣ стояли идолы на холмѣ, а о жрецахъ и храмахъ — нѣтъ ничего. При описаніи обращенія въ Христіанство русскихъ, польскихъ и чешскихъ Славянъ нигдѣ не говорится объ оппозиціи жрецовъ и объ истребленіи капищъ. Въ пѣснѣ: Законъ, Славой и Людемъ описывается борьба язычниковъ съ Христіанами въ Чехіи, и кажется если гдѣ, то тамъ должны бы мы были встрѣтить жрецовъ и капища, а междѣ тѣмъ и тамъ нѣтъ ничего: идолы стояли въ священнои роуѣ: тамъ совершали имъ жертвоприношенія, тамъ молились. И въ составѣ князя

Владиміра запрецелетса молитьса 8 воды или, 8 роце-
нїа, но не въ капирахъ ¹⁾. Извѣстный почтенный нашъ
археологъ Зорїанъ Ходаковскій хотѣлъ ко-чтобы-то
нистало найти капища и жрецовъ въ азической Россїи.
Онъ полагаетъ (междѸ множествомъ дрѸгихъ доказа-
тельствъ), что храмами 8 нашихъ предковъ были
городки или городища, тѣ невольшія земляныя на-
сыпи съ входомъ внѣрь, обыкновенно полукруглыя,
которыя кстрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Россїи.
Относительно жрецовъ Ходаковскій дѸмаетъ, что
слово князь однозначительно съ словомъ ксѣндзъ,
и доказываетъ тѣмъ, что въ литовскихъ бумагахъ
русскихъ священниковъ называютъ попами, а латин-
скихъ князьями. Онъ видитъ жрецовъ въ договорѣ
Олега въ свѣтлыхъ князьяхъ, сѸщихъ подъ рѸкою
великаго и полагаетъ, что если они не 8частвовали
въ походѣ, то значитъ они были жрецы, и самомѸ
великомѸ князю приписываетъ значенїе дѸховной особы,
потомѸ что Несторъ, говоря о холмѣ, на которомъ
стояли идолы, сказалъ, что тамъ творили требы
князь и людїе ²⁾. Но всѣ городки и всякаго рода
земляныя фигѸры еще не могѸтъ быть непреложно
признаны славянскими; кто можетъ доказать, что
дрѸгіе народы не дѣлали подобныхъ, — особенно тогда,
когда онѣ попадаютъ въ Восточной Россїи, гдѣ жили
Финны, болѣе еще чѣмъ въ Югозападной, гдѣ из-

1) Карамз. Т. I. пр. 505. стр. 483. — 2) Русск. Историч. Сборн. Т. I.
кн. 3. стр. 1—109 Ibid. Т. III. кн. 3. стр. 199—229.

давна обитали Славяне? Слово городъ не можетъ быть принято исключительно въ смыслѣ храма, ибо городъ означаетъ и Славянъ воокрѣе всякій крѣгъ или загороженное мѣсто; отъ того и садъ — вертъ — называется вертоградъ, отъ того и крѣглый хорокодъ называется городокъ; и вѣнокъ носитъ названіе города, и женскій головной уборъ называется городъ. Съ этимъ согласенъ самъ Ходаковскій. Городки или земляныя фнѣры могли быть пригодны для богослуженія менѣе, нежели для защиты отъ непріятелей, въ случаѣ внезапнаго нападѣнія, для засады, и для укрытія хлѣба; а что Славяне такъ постѣпали, это намъ извѣстно. Относительно жрецовъ, — хотя князь творилъ треки, но еѣ творили и людѣе; и такъ это не было исключительною принадлежностію князя. По моему мнѣнію, и Славянъ не было жрецовъ, но, какъ и народа сѣгдо-патріархальнаго, каждый отецъ семейства имѣлъ право приносить съ родомъ своимъ жертвы и возсылать предъ всѣми моленія. Изъ Гельмольда мы знаемъ, что, несмотря на видимое существованіе дѣховнаго класса и Прибалтійскихъ Славянъ, приносить жертвы могъ всякій; такъ въ святилище Прокѣ допускались всѣ чѣ, которые изъявляли желаніе приносить жертвы. Но такъ — какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ старѣйшины — *Patres familiarum* и жизне-описателю Оттонока ³⁾, владыки и Чеховъ — имѣли первенство на вѣчѣ, завѣдывали порядкомъ, рѣшали

3) Vit. Sanct. Ott.

недоблѣнїа, составляли высшїй правительственный классъ народа, то, безъ сомнѣнїа, они первенствовали и въ богослуженїи. Отъ того и въ Краловорской Рѣкописи, въ пѣснѣ о Законѣ, Славѣ и Людехъ, говорится, что приносилъ Богомъ жертвы отчичъ (отецъ). И такъ — какъ у Славянъ въ язычествѣ князь въ общинѣ имѣлъ такое значенїе, какое каждый отецъ семейства, владыка въ своемъ родѣ, и какъ значенїе основалось всегда на томъ же правѣ первородства и патріархальной власти, то и князь въ отношенїи общины или державы первенствовалъ въ богослуженїи, совершалъ жертвоприношенїа и возсылалъ моленїа всенародно какъ священникъ, тогда, когда дѣло касалось цѣлой общины; подобно какъ отецъ или владыка священнодѣйствовалъ тогда, когда касалось его рода. Вотъ отъ чего у Нестора сказано: творяху треки князь и людїе. Я полагаю, что даже и въ Прибалтійской Славянщинѣ значенїе жрецовъ имѣло такое же основанїе, ибо Дитмаръ называетъ такїа лица назначенными къ святилицѣ. Стало быть, голосъ народа участвовалъ при избранїи жреца, а поетомъ, значитъ, тамъ не было касты. Мы уже знаемъ, что теперь въ Малороссїи отправляется обрядъ, весьма сходный съ обрядами при храмѣ Свантовита: — этотъ обрядъ отправляется отцомъ семейства; — немудрено ежели и жрецъ Свантовита былъ старѣйшїй изъ отцовъ семейства. Власть жрецовъ, говоритъ Гельмольдъ, такъ велика, что и царь меньше почи-

тается, нежели жрецъ. Но что значитъ ѿ Гельмольда царь? мнѣ кажется, что вѣрно воевода, а настоящій царь или князь и есть — то жрецъ. Но тѣмъ не менѣе ети отцы семейства, заведѣвъ храмомъ, составляли ѿже какъ бы особенное сословіе: ибо обманывали народъ сѣвѣрїями, гаданїями, явленїями, для своей выгоды, и держали въ тайнѣ свою наѣкъ.

Въ Прибалтійской Славянинѣ богослуженіе носило правильный образъ: жрецы имѣли бѣлыя богослужебныя одежды, свои особенные термины и слова, священныя палки, которыми они значительно ударяли въ землю. Мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать существованїя такихъ обрядовъ въ прочихъ странахъ Славянины, хотя вѣроятно, что и ѿ насъ въ Россїи были положенныя обряды, которые переходили отъ поколѣнїа въ поколѣнїе и такъ составляли богослуженіе. Это видно изъ нынѣшнихъ народныхъ обрядовъ; ежели они дошли до насъ чрезъ столь долгое время, то должно предполагать, что они были нѣчто правильное. Однако, религія славянская, хотя человѣчески разумная, благородная, доходила даже до грубаго фетишизма въ народѣ. По сказанію Ибн-Фоцлана⁴⁾ Руссы поклонялись идоламъ и клали ѿ подножія ихъ съѣстные припасы, дѣлая, что все то подается богами, когда въ самомъ дѣлѣ расхвачиваютъ птицы. Въ пѣснѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людекѣ — отецъ приносилъ богамъ жуть. Впрочемъ, какъ ѿ Славянъ

4) Ibn—Fotzl. 9.

были священныя птицы, и притомъ, самыя боги, — какъ видно изъ мѣста о кѣсѣшкѣ — превращались въ птицъ, то, можетъ быть, Руссы въ самомъ дѣлѣ кормили птицъ и яравъ несправедливо заключилъ, что пища предназначена для деревенныхъ боговъ и похищена птицами.

Относительно того, были ли въ Россіи храмы, мы, основываясь на извѣстіяхъ лѣтописныхъ и другихъ памятникахъ, должны сознаться, что не можемъ признать ихъ существованія, но однако не можемъ и отрицать. Вообще храмы языческихъ народовъ значили не то, что теперь у насъ церкви; храмы не стояли въ каждомъ селѣ, а находились въ немногихъ мѣстахъ, почитавшихся особенно священными. Гельмольдъ говоритъ, что вся Славянщина стекалась къ храму Свантовита: вѣроятно, что Русскіе Славяне тогда ѣздили; но быть можетъ и въ Россіи было нѣсколько такихъ храмовъ.

Несторъ вообще мало распространяется о язычествѣ Славянъ Русскихъ. Мы узнаемъ изъ него, что Владиміръ поставилъ на холмѣ козлѣ двора теремнаго нестѣкана Перуна съ серебряною головою и золотымъ хвостомъ, Дажь-Бога Хвоста, Стрибога, Симаргла и Мокошь⁵⁾. А уже выше объяснилъ, что Перунъ и Дажь-Богъ суть наименованія скѣтоноснаго существа. Стрибога называется въ Словѣ о Полкѣ Игоря дѣдомъ вѣтровъ, а въ малороссійскихъ сказкахъ мы

5) Нест. Полн. Собр. Русск. Лѣт. Т. I. 34.

встрѣчаемъ вѣтрова батька: это дѣхъ, олицетворен-
 ный вѣтеръ. Мокошь, какъ я уже сказалъ выше,
 значило водо. Что касается до Симаръ-гла — я не въ-
 силахъ объяснить этого чуждаго и вѣрно испорченнаго
 названія. Хъресъ объясняется изъ персидскаго языка:
 Коршъ или Коршндъ — значитъ солнце. Но можетъ
 быть слово Хъресъ однозначительно съ красъ — красный.
 У Нестора оно повидимому относится къ Даждь-Богъ;
 ибо слово это не отдѣлено отъ слова Даждь-Богъ
 союзомъ — и, — подобно другимъ наименованіямъ. Въ
 Словѣ о Полкѣ Игоревѣ говорится, что чудодѣй-
 ственный Всеславъ докѣжалъ до кѣрѣ Тъмѣторакань
 великомѣ Хъресови пѣть прерыскаше. То есть: до пѣніа
 пѣтѣховъ онъ прибылъ въ Тъмѣторакань, опереживая
 Хъреса, то, что является послѣ пѣніа пѣтѣховъ т. е.
 солнце. Персидское слово легко могло зайти къ
 нашимъ предкамъ, при сходствѣ скѣтопоклонничества
 Персовъ и Славянъ еще въ глѣбчайшей древности.
 Кромѣ этихъ боговъ, Несторъ упоминаетъ о Волосѣ,
 называя его скотѣимъ богомъ; въ Словѣ о Полкѣ
 Игорѣ онъ названъ Келесомъ, а Болнъ, поетъ, его
 вѣнѣкомъ. Сабининъ полагаетъ, что это богъ богат-
 ства (скотъ значитъ богатство) физическаго и дѣ-
 ховнаго, равнозначителенъ съ Діемъ и однознамена-
 теленъ съ Перѣномъ. Глинка производилъ Келесъ отъ
 велѣй, Руссовъ и Бельтманъ видѣли въ немъ ассирій-
 скаго Бела: Белъ былъ тоже божествомъ живот-
 ныхъ. Рѣшительно отказываясь отъ толкованія, ибо

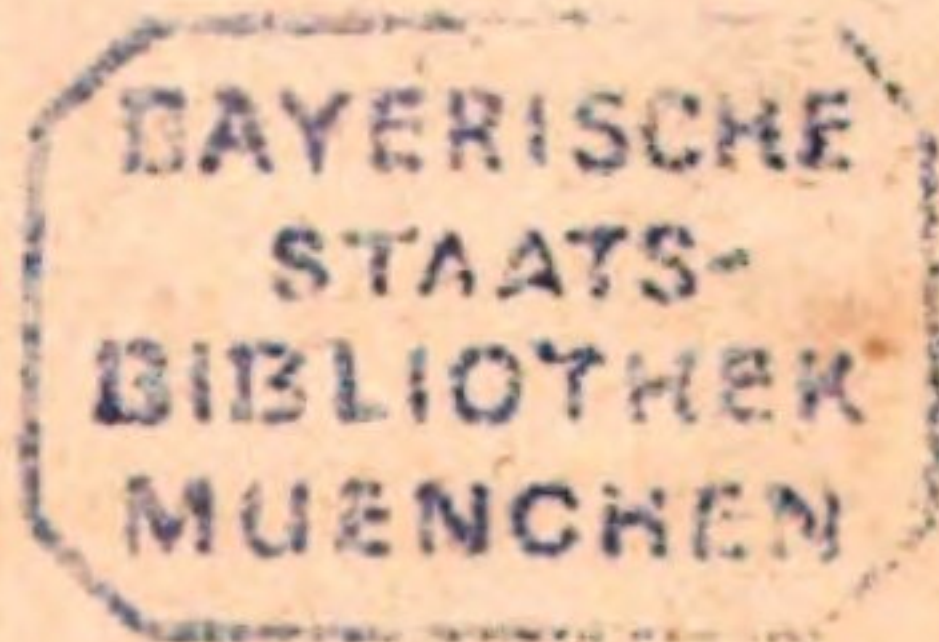
не вѣжѣ никакой пользы пѣтаться въ догадкахъ. Конечно, это или одно изъ знаменованій свѣта, или дѣхъ — покровитель стада, котораго значеніе перенесено въ послѣдствіи на св. Власіа.

Хотя несторовы боги, повидимому, отличались отъ божествъ другихъ Славянъ, но такъ — какъ мидологическія названія были колломинаціями однихъ и тѣхъ же существъ, то несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые хотѣтъ отдѣлать русскую мидологию отъ мидологій другихъ Славянъ. Кромѣ истѣкановъ, поставленныхъ на холмѣ перѣновомъ, Славяне Русскіе имѣли еще обширнѣйшій запасъ мидологій, скопленный отъ лѣтописцевъ. Мы уже знаемъ напередъ, что Славяне Русскіе чествовали Ладѣ, мать-природѣ, и бога — свѣта подъ мужескими такими же именами, хотя у Нестора нѣтъ етихъ именъ. Кромѣ сихъ именъ въ пѣсняхъ, есть множество зрочницъ въ Россіи, напоминающихъ названіе Лады и Лада: въ одной новгородской губерніи Ходаковскій насчиталъ ихъ девять; тамъ же онъ сосчиталъ шесть, напоминающихъ эпитетъ Лада — Лелеса — свѣтлый. По извѣстіямъ того же достойнаго археолога, у насъ существуютъ названія Бѣлобоги, Чернобоги, Бѣлославы, Чернославы, Радогосты, напоминающіе Бѣлобога, Чернобога и Радогоста: доказательство, что прибалтійскія божества были намъ нечужды. При томъ, есть у насъ еще нѣсколько такихъ, которыя указываютъ на бытіе во все неизвѣстныхъ мидоло-

гических существъ, напримѣръ: Радобѣжъ, Хотобожъ, Любѣжъ, Жедобѣжъ, при переводѣ на теперешнѣй языкъ Радъ-Божій, Любо-Божій, Хоти-Божій, Жадъ-Божій: можно предполагать существованіе какихъ-то Радобоговъ, Любооговъ, Хотибоговъ, Жадобоговъ. Если мы прибавимъ ко всемъ етому сходство обрядовъ другихъ Славянъ съ нашими, а въ особенности сходство между гаданьемъ посредствомъ коня при храмѣ Свентовита и нашимъ сваточнымъ, сходство между праздникомъ жатвы въ Лриконѣ и обычаемъ въ Малороссіи предъ рождественскими сватками, то несомнѣнно признаемъ: 1) что наша мидологія была несравненно полнѣе чѣмъ ее представлялъ Несторъ; 2) что наша мидологія имѣла тѣсную связь съ мидологіею Западныхъ Славянъ, такъ что въ существѣ она была одно и тоже.

—•••—

КОНЕЦЪ.

Kostomarov, Nikolaj Ivanovič,

Slavěnskaě mifologię [mifologija]

Kiev 1847

4 H.g.hum. 42 i

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10359967-4